

Татьяна Соломатина

Роддом.
Сериал

КВАРЫ

14-26

Татьяна Юрьевна Соломатина
Роддом. Сериал. Кадры 14–26
Серия «Роддом», книга 2

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4441888

*Роддом. Сериал : Кадры 14—26 / Татьяна Соломатина: Эксмо; Москва;
2012*

ISBN 978-5-699-59594-5

Аннотация

«Просто в этот век поголовного инфантилизма уже забыли, что такое мужик в двадцать пять!» – под таким лозунгом живет и работает умная, красивая и ироничная (палец в рот не клади!) Татьяна Мальцева, талантливый врач и отчаянный жизнелюб, настоящий Дон Жуан в юбке.

Работая в роддоме и чудом спасая молодых мам и новорожденных, Мальцева успевает и в собственной жизни закрутить роман, которому позавидует Голливуд!

«Роддом. Сериал. Кадры 14–26» – продолжение новой серии романов от автора книги «Акушер-ХА!».

Содержание

Кадр четырнадцатый	4
Кадр пятнадцатый	26
Кадр шестнадцатый	42
Кадр семнадцатый	73
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Татьяна Соломатина

Роддом. Сериал.

Кадры 14–26

Кадр четырнадцатый

Цирк, да и только!

Мальцева на полном автомате нашарила мобильный, прыгающий в виброрежиме где-то на полу. Будь проклят тот, кто придумал мобильные! Будь проклят тот, кто придумал телефон! Будьте вы все прокляты! Те, кто придумал хоть какую-то связь... И те, кто решил, что без связи человечеству никуда. То есть скопом – будь проклято всё человечество. Будь проклята заодно и её собственная профессия, помогающая этому самому человечеству размножаться в самое неподходящее время суток!

Татьяна Георгиевна взяла трубку и пошла с нею на кухню. Чёрт, где здесь кухня-то? Где она сама вообще?! И кому там вздумалось рожать в... Она глянула на мерцающее в темноте табло... В три часа ночи!

– Танька!.. Алло! Танька, ты спишь?! – зашипела трубка голосом Маргариты Андреевны.

– Теперь уже нет! – грозным шёпотом ответила Мальцева. – Марго, если ты звонишь мне не по достаточно важному поводу – тебе конец! Если ты бессовестно пользуешься тем обстоятельством, что я никогда и нигде не могу насовсем отключиться из эфира – будь и ты проклята вместе со всеми! – Мило пожелала заведующая наблюдательным отделением крупного родильного дома старшей акушерке этого же отделения и по совместительству своей лучшей подруге.

– Ты где вообще?! – возмущённо уточнила Маргарита Андреевна, не слишком испугавшись пожеланий своей начальницы. – Я звонила тебе на домашний, никто не взял трубку!

– А я не беру трубку домашнего телефона по ночам. Я его вообще отключаю!

– Не гони! Ты всегда берёшь трубку и никогда не отключаешь телефон. Немедленно отвечай, где ты!

– Марго, ты за этим звонишь в три часа ночи? Чтобы уточнить, где я?! Я уже давно взрослая девочка!

– Но ты же ушла вместе с интерном!

– Да, ушла! Вместе. К сожалению, менее взрослой девочкой от этого не стала. Ушла вместе и теперь пытаюсь выяснить, где в его долбаной кухне включается свет и хранится кофе... Какого чёрта, Марго?!

– Ты стоишь?

– Стою.

– Так сядь!

– Я не знаю, куда здесь можно сесть. И можно ли тут во-

обще куда-нибудь садиться голой жопой.

– Ты на кухне интерна в три часа ночи с голой жопой?! – ахнула с той стороны Марго. – Ты что, переспала с ним?

– Нет, блин! Я в три часа ночи на кухне интерна с голой жопой лишь потому, что не знала, откуда бы и как ещё с тобой поговорить! Я же, понимаешь, не имею права не брать телефон. Особенно, когда входящий от тебя. А с голой жопой я, потому как, прости мне мою нерасторопность, ещё не обзавелась халатиком на его территории! – съязвила Мальцева. – Ты будешь мне что-то по делу говорить?!

Щёлкнул выключатель и на кухне загорелся мягкий свет. Абсолютно голый интерн стоял с перекинутой через плечо рубашкой и иронично улыбался. Гад! Пару секунд нагло поразглядывав Татьяну Георгиевну, он, изображая любезного джентльмена, подал ей эту самую рубашку с таким видом, будто это было меховое манто. Она молча по очереди продела руки в рукава и сартикулировала ему: «Кофе!» Интерн достал из-под стола табуретку, демонстративно-галантно промахнул её кухонным полотенцем и жестом пригласил садиться, мол, не беспокойтесь, стерильно!

– Эй! Куда пропала? Танька!

– Пантомиму изображаю. Марго, что случилось? Или ты говоришь, или я нажимаю отбой!

– У Панина внучка родилась!

– Поздравляю! Мне что, срочно приехать и в жопу её поцеловать?! Эта новость могла подождать и до утра!

– Нет, если ты ещё стоишь, так сядь. Потому что я тебе сейчас скажу, где она родилась!

– Я уже сижу. Говори.

– Первая внучка Семёна Ильича Панина, заместителя главного врача по акушерству и гинекологии нашей нехилой больницы, доктора наук и доцента кафедры родилась... – Марго выдержала многозначительную паузу и выпалила: – на автобусной остановке! Реально – на скамейке автобусной остановки! Это же анекдот на сто лет! Ты представляешь, как над ним будет потешаться вся медицинская общественность? Я уже не говорю о бабушках на тех самых и всех прочих скамейках! – Маргарита Андреевна жизнерадостно заржала.

– Ну, судя по тому, как ты хохочешь, всё в порядке. Подробности подождут до утра. Марго, я жутко хочу курить, мне вообще неловко... – Татьяна Георгиевна приняла у интерна прикуренную сигарету.

– Не-е, неловко тебе будет завтра! Потому что Сёма, во-первых, чуть не сошёл с ума, но вовсе не из-за внучки. Чуть было не развязал безобразную драку с доцентом Матвеевым, и если бы не Святогорский... В общем, он рвался в ночь!

– А что во-вторых?

– Что – во-вторых?

– Ты сказала, что Сёма, *во-первых*, чуть не сошёл с ума, но вовсе не из-за внучки...

– А во-вторых, он чуть не сошёл с ума, когда ему стар-

шенький его позвонил. У папы, понимаешь, половые страсти в нешуточном разгаре, а тут ему звонит сынишка и говорит, мол, папа, ты только не сердись, мы едем в родильный дом, но уже с ребёнком... В общем, у нас лежит невестка Семёна Ильича. Показания к обсервации «роды на дому», ага. Вот смеху-то!

Интерн поставил перед Татьяной Георгиевной чашку горячего кофе.

– Всё Марго, до завтра!

– Эй, не смей бросать трубку! А как там интерн?

– Маргарита, он не там, а тут. Прямо передо мной. Потому, прости, мы не будем его обсуждать.

– Ладно. Тогда передавай ему привет.

Мальцева нажала отбой и затушила в пепельнице бычок.

– Вам, Александр Вячеславович, привет от Маргариты Андреевны.

– Спасибо. Я догадался.

Он сидел напротив Татьяны Георгиевны, подперев подбородок руками и смотрел на неё влюблённо-влюблённо.

– Александр Вячеславович, я чувствую себя очень глупо, – через пару минут наконец выдавила из себя Мальцева.

– Татьяна Георгиевна, мы с вами уже были на «ты».

– Ну, мало ли с кем я в постели на «ты» была... – она коротко хохотнула. – И хорошенький юный глупец кофе прямо в кабинет подаёт... Не сердитесь, это я озвучила свои мысли.

Промелькнувшие, когда вы мне кофе в кабинет подавали¹.

– Я готов вам всю жизнь подавать кофе. В кабинет, за стол, в постель...

– Да-да, конечно, и звезду с неба не забудьте... – рассеянно прервала парня Татьяна Георгиевна. – На Аллу Борисовну с Галкиным мы с вами пока не тянем, но на Филю с ней же – вполне. А такое, как подсказывает опыт, хорошо не заканчивается. Вы очень красивый парень, Александр Вячеславович. Но вы...

– ...интерн, а вы – заведующая! – ласково улыбаясь, немного иронично резюмировал он, сглаживая повисшую паузу.

– И это тоже, разумеется. Но для начала – я могла бы вас родить. С небольшой натяжкой.

– С очень большой натяжкой, Татьяна Георгиевна.

– Ну не важно... Важно то, что я никогда не спала с мужчиной моложе себя. Никогда. У каждого свои фобии и свои табу. Кто-то пауков боится до одури, кто-то в застрявшем лифте задыхается. Мусульманину – свинину нельзя. А я, Александр Вячеславович, боюсь мужчин моложе себя. Мне их нельзя. Религия не позволяет. Табу! И вот я, поддавшись минутной слабости, поддавшись желанию утереть кое-кому нос, поддавшись глупому порыву... В общем – поддавшись!.. И теперь испытываю чувства человека, предавшего свою веру, подорвавшего свои собственные устои. Я как будто пнула

¹ См. «Роддом. Сериал. Кадры 1—13».

ценка. Что противоречит всей картине моего мира. И ещё – то, что я переспала с мужчиной моложе себя, означает, Александр Вячеславович, что я старею. – Она прикурила следующую сигарету. – И более ничего. Короче!.. – Мальцева запнулась ненадолго и выпалила: – Наше с вами приключение ровным счётом ничего не значит, Александр Вячеславович. Зарубите это себе на носу!

– Ладно... Ещё кофе, Татьяна Георгиевна? Может быть, с коньяком?

– С коньяком? Уже полчетвёртого. В полвосьмого я обычно прихожу на работу. Когда я вообще на неё прихожу. В том смысле, если я вообще с неё ухожу... Глупость какая-то... И что значит ваше «ладно»?!

– Ладно, я зарублю это себе на носу.

Интерн усмехнулся и встал. Подошёл к кухонным шкафчикам. Достал коньяк. Всё-таки у него была совершенно прекрасная фигура. Как у Панина в молодости. Или даже как у... Ой нет! Даже думать о его имени сейчас не надо. Того, кто был помощнее Семёна Ильича.

– Вы как-то с носами переборщили, Татьяна Георгиевна. Тому – утёрли, этому – зарубили. И всё за один присест.

– Смеётесь, Александр Вячеславович? Грамотный, да? Обчитались где-то чего-то? Мол, чем меньше женщину мы...

– О, вот когда вы язвите, Татьяна Георгиевна, вы становитесь невыносимо очаровательны! И, кстати, фобии – они, как

правило, лечатся. А вероисповедания частенько меняются.

– Я поняла, да. Психологическое айкидо... Александр Вячеславович, вы не занимались плаванием?

– Ну что вы, Татьяна Георгиевна! Для пловца у меня слишком круглый бицепс и пропорционально раскачанная шея. Пловцы в этих местах более... Более плоски. Я занимался всем понемногу. В основном я занимался собой, а не плаванием, не горными лыжами, не восточными единоборствами и не академической греблей. Я всегда занимался собой. А сейчас мне хочется заняться вами.

– Вы наглец, Александр Вячеславович!

«Наглец» налил ей полную рюмку коньяку.

– Вам не кажется странным, Татьяна Георгиевна, что вы, сидя на моей кухне, в моей рубашке, выпивая мой кофе и мой же коньяк, называете меня наглецом?

– Вы очень обаятельный наглец, Александр Вячеславович. Ваше здоровье!

Мальцева махнула залпом. Стало тепло, весело и хорошо. Какого чёрта, в конце концов?! Красивый мужик. Не без чувства юмора. Не без благородства манер. Уместный. Своевременный. Она стареет? Возможно. Не стареют только вовремя умершие. Но она-то жива! И пока ещё не слишком постарела. Если Панин теперь дедушка – то и вовсе смешно. Смешно себе отказывать в такой малости, как вкусный секс с красивым заботливым молодым мужчиной.

– Вы живёте далеко от роддома, Александр Вячеславо-

вич? Совсем не помню, как я тут оказалась. До какого-то момента, разумеется, помню... Был чудесный вечер. А как сюда добрались – не помню... – Она рассмеялась. – Нет, ну с какого-то момента, разумеется, помню...

– Я вам сейчас всё напомним в подробностях! – Интерн легко поднял её с табуретки и отнёс в спальню...

Он вызвал её такси на семь утра. И попросил ничего не говорить. Она ничего ему и не сказала. Только поблагодарила за такси. На утренней пятиминутке в отделении он с ней вежливо поздоровался. Вежливо и ровно. Серая мышь Светлана Борисовна, схватив интерна за локоток, начала что-то ему шёпотом выговаривать. Татьяну Георгиевну это неожиданно неприятно резануло. Что она там может ему выговаривать? Строит из себя великого гуру? Рассказывает, куда анализы клеить? Сегодня на плановое кесарево надо взять интерна. Светлана Борисовна в пролёте. У него, ей-богу, дара к хирургии больше, чем у этой невзрачной девицы. Она второй год в ординаторах, а в ране суетится, как старая дева перед сватовством... Ох, молчала бы ты, Татьяна Георгиевна, про старых дев!.. Ну хорошо, хорошо... Старая. Зато не дева. Блин, ну что за мысли тревожат заведующую отделением на внутренней пятиминутке?! Сосредоточься, корова! Тут и так, поди, разговоров уже хватает. Уж слишком эффектным было вчерашнее бегство. Включись!

– Панина Екатерина Петровна, двадцать три года, беременность первая, тридцать девять – сорок недель. Роды пер-

вые, срочные. На дому. Послед без дефектов. Родовые пути осмотрены – целы. Новорождённый женского пола, весом три пятьсот, пятьдесят один сантиметр. С оценкой по шкале Апгар²... Ой, простите. Какой уж тут Апгар, на скамейке-то! – доложила среди прочего дежурная акушерка.

Все присутствующие в ординаторской сдавленно захихикали. Мальцева постучала ручкой по столу и хмуро поправила:

– Какая! Апгар – она какая. Потому что женщина. Стыдно не знать!

– Кхм! Общее состояние родильницы удовлетворительное, – максимально серьёзно завершила доклад старшая сестры.

– В люкс хоть хватило соображения положить?

² Шкала Апгар – система быстрой оценки состояния новорождённого. На двадцать седьмом конгрессе анестезиологов (1952) американская врач-анестезиолог Вирджиния Апгар впервые официально представила разработанную ею систему оценки состояния новорождённого на первых минутах жизни. Это простой метод для начальной оценки состояния ребёнка с целью выявления необходимости реанимационных процедур. Шкала предполагает суммарный анализ пяти критериев (окраска кожных покровов, частота сердечных сокращений, рефлекторная возбудимость, мышечный тонус, дыхание), каждый из которых оценивается в баллах от нуля до двух включительно. Результат оценки может быть в диапазоне от нуля до десяти. Данное тестирование проводится обычно на первой-пятой минуте после рождения и может быть повторено позднее, на десятой минуте, если результаты оказались низкими. Баллы менее трёх означают критическое состояние новорождённого, более семи считается хорошим состоянием (норма). Шкала Апгар является маркером жизнеспособности, а вовсе не показателем здоровья новорождённого в целом.

– Обижаете, Татьяна Георгиевна. Да Семён Ильич тут сам ночью был, так что... – Акушерка помахала рукой. – Второй этаж, третий люкс. Носимся как с писаной торбой. Не волнуйтесь.

Надо же Мальцевой было столкнуться с Паниным именно в лифте, именно этим утром! Да ещё и в компании Святогорского! Что за еврейское счастье!

– Доброе утро! – сказала Мальцева всем.

– Доброе, Татьяна Георгиевна! – чересчур вежливо и официально раскланялся Аркадий Петрович.

– Доброе утро, Семён Ильич! – уже адресно обратилась она к промолчавшему Панину.

Двери раскрылись, и начмед вылетел из лифта, так и не удостоив ответным приветствием заведующую наблюдательным отделением.

– Пошли наверх, покурим, – шепнул Святогорский.

– Что это с ним? – спросила Мальцева.

– Тебе лучше знать. Слушай, что у нас тут была за ночь...

Цирк, да и только! Тебе уже Марго наверняка рассказала!

– Рассказала. Не пойду я курить наверх. Меня Панин уволит.

– Не уволит. Он без тебя жить не может.

– Может. Он прекрасно может без меня жить. Он не может видеть, как я могу жить без него.

Утренняя врачебная конференция была молниеносной. Сразу после неё Панин унёсся в горздрав. А Мальцева ушла

в операционную. Рабочий день покатился своим чередом.

К двум часам дня Татьяна Георгиевна дошла наконец до третьего люкса на втором этаже.

– Здравствуйте, Татьяна Георгиевна! Я так рада, что лежу именно тут, именно у вас! Вы меня не помните? Вы были на нашей свадьбе, и ещё мы виделись на дне рождения Семёна Ильича, я – Алёшина жена! – бодро затараторила ей навстречу молодая хорошенькая женщина. – Вы представляете, какой ужас?! Я родила на скамейке! Семён Ильич страшно кричал на Алёшку, он ему говорил, что мы идиоты, ну и всякое такое... Что его теперь весь город на смех поднимет, что...

– Здравствуйте, Катя. Я вас прекрасно помню. Ложитесь, я вас осмотрю...

– Нет, это на самом деле очень весело, Татьяна Георгиевна! – Жизнерадостная Катя улеглась в кровать и явно собиралась рассказать Мальцевой историю своих родов «на дому». То есть на скамейке. – Понимаете, я же не собиралась рожать на скамейке! Просто я помню нашу практику в родильном доме на четвёртом курсе. И помню, что мне совсем там не понравилось. Женщины какие-то все суматошные, несчастные. Врачи все какие-то злые, издёрганные. Практикантам ночевать было негде, все на нас цыкали. Вот я и решила тянуть до последнего...

– Катя, но вы же не практикант, а беременная! Были... Вы – студентка пятого курса медицинского университета!

Вы – невестка начмеда одного из самых крупных родильных домов города. Всё-таки вы должны понимать, что нельзя тянуть до последнего.

– Понимать – понимаю. Но всё-таки решила тянуть. Ну и вот, короче, началось. Больно, но терпимо. Алёшка на ночном дежурстве в своей травме, ну а я хожу, схватки считаю, ужин готовлю... Ну, думаю, как будет перерыв между схватками в пять-шесть минут – тогда такси вызову и поеду сюда. Чтобы никого заранее не тревожить. Тем более у всех вчера двадцать третье февраля, что я, не понимаю, что ли?

– Можете вставать, Катя, если хотите. Всё у вас в порядке.

– Вот я же и говорю – всё в порядке! – подскочила Катя Панина, запахивая халатик. – Хожу, схватки считаю, никого не тревожу. То десять минут, то одиннадцать. То снова – десять. Ну ладно, думаю, ещё похожу... Полы решила помыть. Алёшка один дома останется на несколько дней – грязью зарастёт. Короче, хожу такая, со шваброй и с секундомером, и тут воды отошли! Решила пол всё-таки домыть, потому что я же помню, что первые роды – это долго.

– Катя, роды – какие угодно по счёту, – все очень индивидуальные.

– Ну, теперь-то я знаю! – хохотнула развесёлая невестка Семёна Ильича. – Домыла полы, позвонила Алёшке, говорю, мол, начинается. Он мне: «Срочно «Скорую» вызывай!» А я говорю: «Да я машину быстрее на улице поймаю и за десять минут доеду». Алёшка мне: «Без меня никуда, дождись!»

Я вот его ещё ждала...

– Катя, вы могли позвонить Семёну Ильичу, и он бы за вами нашу машину выслал с дежурным врачом! Всё, что угодно, могло случиться! – перебила Мальцева словоохотливую молодую мадам Панину.

– Да боялась я Семёну Ильичу звонить. Он бы меня заругал. Он же говорил, что надо госпитализироваться заранее, и всё такое, что обычно врачи говорят.

– Не ругал бы он вас, Катя!.. Какое безрассудство. Ну да теперь уже чего...

– Да. В общем, дождалась Алёшку. Скоренько выбегаем, идём до дороги. Там автобусная остановка. И Лёшка машину начинает ловить. Народу, в принципе, мало. Мороз такой, праздник опять же. Все уже напились и по домам разошлись. Ночь... Так что народу мало, никто не толкается, я стою себе в сторонке, жду, когда Лёшка машину поймает. И вдруг – бабах! – всё! Чувствую, головка выходит. Я Лёшке кричу: «Иди сюда!!!» А он мне: «Отстань! Я машину ловлю!» А я ему: «Ребёнка уже иди лови, балбес!» И на остановку понеслась. Чтобы на скамейку лечь. Там только две бабы какие-то стояли – вмиг разбежались. Я легла на лавочку, штаны с колготками и трусами как-то в момент сдёрнула машинально. Алёха в ужасе, орёт: «Ёб твою мать!!!» Я ему: «Ты же врач!» А он мне: «Травматолог я, блин!.. Чё с этим делать, тащить?!» А меня смех разбирает. «Погоди, – говорю, – тащить! Может, сама выйдет!» В общем, на второй потуге вы-

скочила. «Бери! – Алёшке ору. – Аккуратно только! Головку держи! Посмотри, чистый ли рот! А теперь переворачивай на ладони на животик и бей по попе!» И тут она как заорала! А я лежу, мне и больно, и смешно, и радостно. Счастливая такая лежу – в феврале на скамейке автобусной остановки, без трусов. – Катя хихикнула. – В общем, Лёшке кричу: «Заматывай! Холодно! Зима! Мороз!», а сама думаю: пуповина-то, пуповина что? И Лёшка мне: «А с пуповиной чего? Перегрызать, что ли?! И чего она так на канат похожа-то, а?» Врач, прости господи! Травматолог несчастный! А тут те две бабы, что убежали, снова прибежали с простынями, пледом, какими-то тряпками и орут: «Ребёнок погибает!!!» Хорошие тётки. Они не просто так убежали, оказалось. Приятно... Я им говорю: «Ничего он не погибает, нормальный ребёнок! Спасибо вам за бельё!» В общем, цирк, да и только! Какой-то непонятно откуда взявшийся мужик «Скорую» приволок. В «Скорой» Лёшка уже папе своему позвонил, что мы едем. Пока мне родовые пути осматривали, Семён Ильич на весь роддом орал, что теперь все будут говорить, будто невестка Панина под забором родила, а ваш анестезиолог, хороший такой дядька, как его...

– Аркадий Петрович! – вставила Татьяна Георгиевна, которую во время рассказа Кати Паниной страшно подмывало рассмеяться. Еле сдерживалась.

– Точно! Аркадий Петрович. Вот он Семёну Ильичу говорил, что всё обойдётся, что кто-то там к кому-то вернёт-

ся, что всё будет хорошо. Я не слишком вникала, потому что мне так радостно было и совсем не страшно. А на остановке поначалу было сильно страшно, потому что февраль всё-таки. И ещё я сильно волновалась, как Лёшка ребёнка за голову там взял. Он хоть и травматолог, но... А потом было совсем не страшно, потом я стала очень счастливая...

Мальцева не выдержала и наконец расхохоталась. Как-то даже слегка истерически.

– Вот я же и говорю, Татьяна Георгиевна! Цирк, да и только! Мне, конечно, ужасно стыдно, что всё так получилось, но с другой стороны – всё же хорошо. Чего все так с ума сходят? Мне даже немного жаль и акушерочек, и детских сестричек, и санитарочек. Я же невестка Панина. Все бегают по двадцать раз в день, полы надраивают. Прокладок батарею нанесли. Мне столько не надо... Я уже страшно устала от них, от персонала. Все слишком заботливые и чересчур уж вежливые. А девочка у нас с Лёшкой хорошая. И переохладить мы её не успели. И молоко у меня есть, и вообще всё в порядке.

– Ох, простите, Катя. Это я не над вами смеялась. Это у меня...

– Нервное? – подсказала счастливая новоиспеченная машина.

– Вроде того... Катя, если вам что-то нужно...

– Нет-нет, Татьяна Георгиевна! Всё прекрасно! Сегодня только ещё свекровь и мама придут – и всё. И потом я на-

деюсь выспаться. Мама мне уже по телефону такую лекцию прочитала, ужас! Свекровь хоть спокойная, и то хорошо. У меня такая свекровь, Татьяна Георгиевна, что никакая мама не нужна! Да что я вам рассказываю, вы же и сами в курсе, вы столько лет дружите... Вы же и сами прекрасно знаете, какая тётя Варя хорошая!

– Да уж, прекрасно знаю. Варвара – ангел во плоти.

– Мы с Алёшей нашу дочку хотим назвать Варей. В честь неё.

– Прекрасное имя! Это очень похвально, такое ваше желание, Катя. Ну я пойду. Если что – двери моего кабинета всегда открыты.

Издевательство какое-то! Ей теперь что? Повесить тут расписание, в этом курительном закутке? Понедельник – Мальцева рыдает тут, давясь соплями и дымом в десять утра. Вторник – Мальцева рыдает тут же и так же, но уже после обеда. Будь ты проклята, прекрасная тётя Варя со всей своей хорошостью! Внучек в честь тебя называют. А тётя Таня теперь малолеток трахает. То есть – они её. Хорошие жизненные достижения. Отличные даже, чего уж там!

Вечером в кабинет зашла Марго. Как это она ещё так долго продержалась? Не до того было. Работа превыше всего.

– Слушай, ты что, правда переспала с этим интерном?

– Правда. И не единожды. Прежде чем орать об этом на всё отделение, двери прикрой хотя бы.

– Ой да ладно! Не так уж я и ору. А чего злая такая весь

день? Должна сиять и лучиться.

– Ага. У Панина внучка родилась. В честь Варьки называют. А я с интерном переспала. И должна сиять.

– Да перестань!

– Я и не начинаю. Констатирую охуенно жёсткие факты, вот и всё.

– Не, ну а как тебе эти роды на скамейке? И эта Катя – какая-то умора. Она свою историю охотно всем рассказывает в подробностях. От заведующего неонатологией до буфетчицы. Панин уже синий ходит. Впрочем, может, он не от этого синий ходит... Он тебе звонил?

– Нет. Не звонил. Не вызывал. Даже не поздоровался, когда утром в лифте столкнулись. Что там за цирк вчера был, когда я ушла?

– Когда *вы* ушли! – поправила Маргарита Андреевна. – Когда вы ушли, Матвеев прижал Панина к стулу, тот давай вырываться, так что они его уже вдвоём со Святогорским держали. Девочка Светочка, пока я на Сёму всю свою контролирующую функцию перекинула, быстренько напилась как свинья. Видимо, до этого никогда не принимала. И давай плакаться, де, не любит её никто, а любят всё каких-то старых пожёванных блядей, причём любят этих старых пожёванных блядей буквально все.

– Чего это пожёванных? – хихикнула Мальцева.

– О! Узнаю брата Васю! А то взяла моду нюниться и плакать по углам.

– Ты откуда знаешь?

– Да всё я про тебя знаю, железная, блин, женщина. – Марго махнула рукой. – Ну так чего интерн-то?

– Он хороший, Маргоша. Очень красивый. Очень внимательный. Заботливый. Как будто ему не двадцать пять, а уже давным-давно...

– А что такое двадцать пять? – возмущённо перебила подругу старшая акушерка. – Двадцать пять – это уже здоровый мужик. Просто в этот век поголовного инфантилизма уже забыли, что такое мужик в двадцать пять. Гайдаром с его полком так всем мозги прополоскали, что надоело, видимо. Но может же среди поколения уродов вырасти один нормальный!.. Кстати, он в ординаторской сидит. Один. Делает вид, что внимательно читает книгу.

– Может, не делает. Может, действительно читает. У меня создалось впечатление, что он может отделять этих... мух от этих...

– Котлет! – подхихикнула Маргоша.

– Именно. Но зачем он мне, скажи, а? Я ему быстро надоём. Он мне – ещё быстрее.

– Пусть будет. Надоест – выкинешь. А ты ему не можешь быстро надоесть. Такая баба, как ты, – любому мужику за счастье!

– Ох, жаль, Маргоша, что одна из нас не мужик. Была бы идеальная пара.

– Или что мы не лесбиянки хотя бы, – грустно улыбнулась

Марго. – Ладно, подруга, всё образуется.

– Ничего уже не образуется, Маргарита Андреевна. В лучшем случае я могу выйти замуж за вдовца Волкова. Кстати, он меня на какую-то гламурную вечеринку пригласил... А в худшем – я буду продолжать наши беспощадные отношения с Паниным.

– А интерн?

– А интерн, Марго, вообще не случай. Интерн, Марго, случайность. Не более.

– Но тебе-то хоть понравилось?

Зазвонил внутренний телефон.

– Татьяна Георгиевна, Маргарита Андреевна не у вас? Если у вас, пусть срочно поднимется в третий люкс второго этажа! – заполошной скороговоркой выпалила в трубку постовая акушерка.

Пошли вместе. Третий люкс второго этажа, ага.

– Там что-то странное! – причитала акушерка. – Идёмте, сами посмотрите! Я не знаю, что и как им сказать, потому что это же жена Семёна Ильича и мама его невестки.

Татьяна Георгиевна собралась вежливо постучать, но Маргарита Андреевна решительно раскрыла дверь. Зрелище, представшее перед заведующей отделением и старшей акушеркой, было действительно странным. По меньшей мере. В углу на стульчике тихо и аккуратно сидела распустёха Варя Панина, в обычной «гражданской» одежде, сложив ручки на коленках и явно не зная, как себя вести. А на полу

лежала дебелая женщина в хирургической маске, в хирургической пижаме, в бахилах, сшитых из наволочки, в шапочке и в белых холщовых перчатках.

– Так, что здесь происходит?! – первой отмерла Маргарита Андреевна. – Вы, мамочка, зачем больных к ребёнку пускаете?! – строго обратилась она к Кате Паниной.

– Татьяна Георгиевна, Маргарита Андреевна, познакомьтесь, это моя мама! – пискнула пунцовая Катя. – Мама не больная. Ну, во всяком случае, она не болеет простудными заболеваниями. Мама проверяет, нет ли здесь сквозняков!

– Да! Здесь ужасно сквозит! Это вредно для ребёнка! А эта! – приподнявшись с пола, ткнула Катина мама могучим подбородком в Варвару Панину. – Позволяет себе посещать ребёнка в наполненной вредоносными бактериями одежде!

– Ребёнок – не гнотобионт³. Имунитета не лишён. Здесь тепло и нет сквозняков. И позволю себе напомнить, что ваша дочь родила на скамейке автобусной остановки – и ничего! А вы, если будете себя вести подобным образом, без справки от психиатра в родильный дом больше не зайдёте! – отчеканила старшая акушерка наблюдения. – Устроили тут... цирк! Цирк, да и только!

– Спасибо, Маргарита Андреевна, – благодарно прошептала со своего стула Варя, поджав под себя вполне чистень-

³ Гнотобионты – безмикробные животные и животные, выращенные в условиях полной стерильности в период постнатального развития. Используются в основном в научных целях. Вне стерильных боксов долго не живут.

кие ботинки. – Спасибо, Татьяна Георгиевна.

– Да кто вы такая?! – загудела сквозь маску могучая Катина маман.

– Я кто такая?! – рявкнула старшая акушерка отделения. – Сейчас ты у меня узнаешь, кто я такая. Лена! – строго прогудела она в постовую акушерку. – Срочно вызывай «Скорую». Психиатрическую!

Это было уже слишком. Мальцева сорвалась с этажа к себе в кабинет и, закрыв двери на замок, отсмеялась вволю, и так и сяк представляя дальнейшее развитие событий под режиссурой Марго.

Кадр пятнадцатый

«Я вам больше не нужен?»

В восемь часов вечера в кабинет заведующей обсервационным отделением вежливо постучал интерн. И, помявшись на пороге, неуверенно спросил:

– Татьяна Георгиевна, я вам больше не нужен?

– Вы переписали протокол операции из истории родов в журнал операционных протоколов?

– Да, ещё днём. Вам на подпись приносил. Вы не помните?

– Я за день подписываю огромное количество макулатуры, Александр Вячеславович. У кесарской всё в порядке?

– Да, Татьяна Георгиевна. Температура, ЧСС⁴, давление, выделения – в норме. Моча по катетеру светлая, из дренажа отделяемого нет.

– Удаляйте катетер.

– А дренаж?

– Я что сказала удалять, Александр Вячеславович?

– Вы сказали удалять катетер.

– Если бы я хотела, чтобы вы удалили и дренаж, я бы сказала: «Удаляйте катетер и дренаж».

– Ясно.

Он продолжал мяться на пороге. Татьяна Георгиевна ото-

⁴ ЧСС – частота сердечных сокращений.

рвалась от бумажек на столе и пристально посмотрела на молодого человека.

– Александр Вячеславович, вы мне нравились гораздо больше, когда вели себя как обаятельный развязный наглец и приносили мне кофе в кабинет. Что с вами случилось? Неужели тот факт, что мы с вами имели неосторожность провести вместе ночь, так сильно повлиял на вашу психику, что вы уже не вы? Заходите, не стесняйтесь, присаживайтесь.

Дважды повторять приглашение он не заставил.

– Саша, вы прекрасны, нежны и заботливы. И если вас не затруднит, я бы попросила вас сварить мне кофе, раз уж вы допущены на нашу маленькую уютную кухоньку её полномочной владелицей бабой Галой. У меня в кабинете есть кофеварка, но кофе из кофеварки почему-то совершенно не такой. Хотя и сам кофе тот же, и вода ничем не отличается... Удивительно, да? Инженеры стараются, создают пыхтящие девайсы, бесконечно совершенствуют модельный ряд, а потом оказывается, что кофе, вода и огонь – это всё, что нужно для хорошего кофе. Более ничего. Так что кофеварка у меня в кабинете не для кофе, а для того, чтобы было чем запить разговор с Маргаритой Андреевной. Интимный душевный моментальный разговор, не терпящий перебежек коридорами, ибо магия сиюминутной уместности так мимолётна...

– Татьяна Георгиевна, это вы так вежливо посылаете меня куда подальше?

– И в мыслях не было! – Мальцева рассмеялась. – Я дей-

ствительно просто объясняла вам, почему иногда удобна кофеварка. Так что никаких метафор в моей простенькой речи не было. Это всё ваше живое воображение, Александр Вячеславович. Если я вас сейчас куда и посылаю – так это только за кофе в буфет. Вы положите в кастрюльку...

– В турку.

– У нас в буфете нет турки!

– Уже есть.

– Да? Забавно.

– Что именно забавно, Татьяна Георгиевна?

– Забавно ваше умение, Александр Вячеславович, обживать пространство. Интернировать его. Вы здесь вроде так недавно, но у меня стойкое ощущение того, что не вы принадлежите отделению, а отделение принадлежит вам. Оно – ваша интернированная сущность, а не наоборот. Хотя даже до «наоборот» не многие доживают. Вот уж как ни старается Светлана Борисовна, а никак. Она тут уже второй год. Интернатура и уже, собственно, ординатура. И никак. И шумит она, и крыльями машет, и шороху наводит, требуя, чтобы её уважали-любили. А баба Гала до сих пор с ней не здоровается, старая зараза. А вам она уже и турку позволила поселить в буфете. Забавно мне ваше исключительно мужское качество сразу становиться «как родным»... О, не благодарите меня. Это, на самом деле, очень коварное качество. Первая и самая важная характеристика обмана. Ключевая его характеристика. Потому что «родной» и «как родной» – совершенно

неразличимые фенотипически свойства. С огромной генной разницей. И тут никаких метафор, Александр Вячеславович. Исключительно констатация факта. Так что... В общем, не буду вас мучить, мой дорогой. Вы положите в турку три чайные ложки кофе, нальёте холодной воды и поставите на газ. Когда кофе закипит, вы нальёте его в мою чашку и принесёте в мой кабинет. И больше вы мне сегодня не нужны.

Около десяти вечера Мальцева вышла из родильного дома через приёмный покой. На машину намело порядочный сугроб. Но ехать было необходимо. Выспаться – тьфу-тьфу-тьфу! Переодеться... Что там ещё дома? Портреты покойного мужа. Так давно покойного, что иногда брало сомнение: а был ли он вообще? Да. И он был не «как родной». Он был родным. А больше никогда и никого родного не было. Родным так и не стал Панин. И этот мальчик Александр Вячеславович наверняка не станет. Это же просто смешно, в конце концов! С этим молодым мужчиной её ничего не ждёт: ещё десять, ну пятнадцать лет – и она безнадёжно постарает, а он всё ещё будет прекрасным молодым мужчиной. Не идиотка же она! Точнее – идиотка, но ситуативная. Мало ли кто с кем переспал? Никогда она себе в этом удовольствии не отказывала. Что её сейчас-то выбило из колеи? То, что мужчина оказался намного моложе? Так и ей никто её лет не даёт... Да нет же, наоборот, беда в том, что человек намного моложе оказался взрослым мужчиной. А она, стало быть, кто? Старуха! Нет-нет, спасибо! Вот с Волковым она чув-

ствуует себя молодой женщиной. И с Паниным она чувствует себя молодой женщиной. Вот и выбирай, молодая женщина, между женатым и вдовцом. А мальчики пусть варят кофе. Это у них, признаться, отменно получается.

Расчистив машину, Татьяна Георгиевна села за руль, завела двигатель и прикурила сигаретку. Она пока покурит, а машинка пусть прогреется. Сколько бедняжка здесь простояла? Дня три. Или четыре? Всё смешалось в голове. Какие тут молодые мальчики! Тут уже ноотропы пора принимать килограммами.

К приёмному покою подъехала «Скорая». Стойка, как у борзой. Тебе-то что за дело? Есть ответственный дежурный врач. Бригада. Твой мобильный молчит, вот и чеши домой, пока не началось!

Татьяна Георгиевна сдала назад и начала выруливать на дорожку, ведущую к шлагбауму. Но тут из приёма выбежала дежурная санитарка и истошно заголосила:

– Татьяна Георгиевна!!! Вас Семён Ильич ищет! Как хорошо, что вы ещё не уехали!

Ну не сгорел бы он в аду, а?! Ищет он её. Внутренние, городские и мобильные телефоны отменили, не иначе. Самое надёжное и проверенное средство связи – это санитарка, выбегающая в пижаме на мороз. Естественно, ей больше всего и достаётся. Как не поорать на санитарку? Святое...

На сей раз Мальцева не стала орать на санитарку, а молча совершила обратный манёвр и припарковалась на не успев-

шее припорошиться снегом своё законное место, аккуратно под окном буфета первого этажа наблюдационного отделения.

Панин сидел в приёмном покое и деловито изучал обменную карту.

– Татьяна Георгиевна, привет! – в своей обычной, чуть мрачноватой публичной манере буркнул он, как будто ничего и не произошло. Впрочем, между ними за долгую жизнь столько всего произошло, что можно считать, будто уже и ничего.

– Добрый вечер, Семён Ильич, – поприветствовала она Панина, всё ещё не снимая свою меховую курточку.

– Боюсь, вам придётся задержаться. Мне нужна ваша помощь.

Как же! Нужна ему её помощь, как зайцу пятая нога! Сёма, слава богу, с любой акушерской ситуацией сам справится. За каким таким ему «нужна ваша помощь»? Опомнился, что ещё не сорвал на ней зло?

– Кстати, поздравляю вас, Семён Ильич! – Татьяна Георгиевна не отказала себе в удовольствии.

– С чем?

– Как с чем?! С тем, что вы стали дедом! Прекрасная у вас родилась внучка на... – Мальцева многозначительно замолчала, как бы подыскивая нужные слова. – На радость всей вашей большой и дружной семье, Семён Ильич. Я имела сегодня удовольствие видеться с вашей почтенной супругой.

Она, как всегда, великолепна.

Акушерка и санитарка приёмного, а также дежурный доктор и дежурный интерн сделали настолько серьёзные и дубовые лица, что можно было не сомневаться – еле удерживаются от смеха. «Прекрасная у вас родилась внучка на...» Язва всё-таки, эта Мальцева. Жуткая язва. Жена Панина великолепна, ха-ха три раза! Вечно в стоптанных башмаках и перекрученных чулках. Совершенно непонятно, почему с ней всегда так? Панин мужик не жадный, наверняка на тряпки ей отваливает. Но Варвара Панина просто понятия не имеет, как должна выглядеть женщина. У Варвары Паниной всегда бесцветный мышинный пучок на затылке, пальто какое-то вытянутое, даже если новое... А вообще-то, нехорошо. Нехорошо сплетничать. Варвара – очень хорошая милая женщина, приятная во всех отношениях. Жена и мать. Мать троих детей. А теперь вот ещё и бабушка. А то, что эта стерва Мальцева всю жизнь у начмеда в любовницах, ещё не даёт ей права оскорблять его жену... Хотя, конечно, Татьяна Георгиевна, в отличие от Вари Паниной, штучка та ещё. Понять Семёна можно.

Выражение лица Семёна Ильича стало просто-таки зверским. Он оглядел всю почтенную публику, чьи даже самые потаённые мыслишки были ему отлично известны и, не ответив на поздравления заведующей обсервации, сказал:

– Поперечное положение. Крупный плод. Анатомо-функ-

циональная несостоятельность рубца на матке⁵. Четвёртое вхождение в брюшную полость. Так что, Татьяна Георгиевна, переодевайтесь и мойтесь. Я уже распорядился развернуть операционную.

Вот это была несостоятельность так несостоятельность! Хорошо успела баба в родильный дом вовремя. Да и поперечное крупного плода – это вам не фунт изюма. Пять семьсот. Всё-таки Панин ас каких мало. Мужчина, так владеющий ремеслом – тем более ремеслом хирургическим, – поневоле вызывает восхищение. А там, где у баб восхищение, – там и все остальные ментально-психические образования типа любви и привязанности. Панин в деле – это никакой суеты, ни единого лишнего движения... При вхождении в брюхо, правда, резанул мочевого пузырь. Ну да там предыдущие умельцы дубликатуру пузырно-маточной складки⁶ так на матку натянули, как будто не перитонизировать⁷ хотели,

⁵ Анатомо-функциональная несостоятельность рубца на матке – осложнение беременности и родов, связанное, как правило, с предыдущими операциями кесарева сечения. Может привести к тяжёлым осложнениям – разрыву матки, кровотечению, гибели плода. Во время беременности и родов женщины с рубцом на матке требуют тщательного мониторинга состояния нижнего маточного сегмента.

⁶ Дубликатура пузырно-маточной складки – листки париетальной и висцеральной брюшины.

⁷ Перитонизация – закрытие дефекта висцеральной брюшины, возникшего при хирургической операции, путём наложения серо-серозного шва. Многими школами акушерства и гинекологии необходимость перитонизации оспаривается. Но не русской.

а мочево́й пузырь на лоб пришить. Мог бы и сам справиться, но сегодня Панин был не Панин – а сплошная буква. Как будто дух из него напрочь вышибли. Просто робот-манипулятор какой-то, а не живой мужчина из плоти и крови. Пришедший из главного корпуса уролог недовольно топтался у батареи позади операционной медсестры, бурча себе под нос: «Мясники! Почему электрокоагулятором не пользуетесь?! Почему у вас тут вечно реки крови льются? Почему у нас кровопотери в тридцать, в пятьдесят, ну в сто миллилитров, а тут?..»

– Потому что это акушерство! – рявкнул Семён Ильич. И немного наконец разморозился. – А где же ваш паж? – язвительно спросил он своего ассистента Татьяну Георгиевну. – Отдыхает после праведных трудов? Интересный случай, а его и след простыл? Или он отсюда не вылезал, потому что его вовсе не акушерство интересовало?

– Семён Ильич, я понятия не имела, что будет интересный случай. И отпустила интерна домой. У них свой график дежурств. Вон стоит другой интерн. Вы ему, кстати, помыться не разрешили.

– Мне тут только лишних лап не хватало, – пробурчал Панин. – Кровь заказали?! – заорал он.

– Господи!.. Да! – Тут же из «предбанника» подскочил анестезиолог.

– Бумажки потом будете писать! Пока больная на операционном столе, вы обязаны стоять около неё!

– Да я только на секунду вышел. И не одна же она тут, анестезистка рядом.

– Анестезистка... Все вы разгильдяи и...

– Не можете придумать кто ещё, да? – услужливо проворковал анестезиолог.

– Я у вас тут сейчас в обморок упаду, у этой батареи. Кро-вищи море, жарко! – жалобно проныл уролог.

– Иди, становись, работай. Матку уже ушили...

Семён Ильич немного подвинулся, освобождая место профильному специалисту.

Завершали операцию в полнейшей тишине.

Когда была наклеена повязка, Панин с треском сорвал перчатки и буркнув традиционное: «Всем спасибо!» – проворчал в никуда:

– Татьяна Георгиевна, всё запишите и ко мне в кабинет на подпись.

Анестезиолог насмешливо глянул на Мальцеву.

– Вы бы за своей документацией следили вместо того, чтоб глазки строить! – снова в никуда пролаял Панин и вынесся из блока.

– Что это с ним? – спросила операционная сестра. – Дедом стал, радоваться надо.

– Испереживался! – саркастично ляпнул наркотизатор. – Тань, куда бабу? В интенсивную?

– Ну разумеется.

– Иди-знай. Семён совсем чумной. Вдруг «не понимает»

ся»?

– Ну так пойдёшь, спроси!

– Что я, больной на голову? Ты сказала в интенсивную – вот и под твою ответственность. Кровопотеря какая?

– Литр пиши.

– А-а, так ты её мне в интенсивную, чтобы с кровью не самой мудохаться?

– Ты начал капать, ты и продолжай. А в интенсивную госпитализируют совсем по иным причинам!

– Танька, ты-то чего рычишь? Это что, заразно?

После перекура Татьяна Георгиевна почти полтора часа писала историю и заполняла журнал операционных протоколов. Ну Панин, ну гадина! Нашёл себе девочку-писаря. Скотина!

Около двух часов ночи она позвонила ему в кабинет.

– Да!

– Я так надеялась, что ты не возьмёшь трубку!.. Я всё написала. Подпись терпит до утра?

– Не терпит. Зайди.

Чтоб ты был здоров!

– Татьяна Георгиевна, я вам больше не нужен? – ехидно поинтересовался Панин, как только она прикрыла дверь, войдя в кабинет начмеда.

– Если вы о кесарской с поперечным, то она стабильна. Вы можете совершенно спокойно ехать домой, Семён Ильич.

– Ты прекрасно поняла, о чём я! Что это вчера было?!

– Уже позавчера, Сёма. Два часа ночи. Нормальные люди давно спят в своих кроватках, а не выясняют отношения, путая рабочее с личным, а тёплое с мягким. Так что позавчера-вчера было? У тебя внучка на автобусной остановке родилась? – Татьяна Георгиевна хихикнула и полезла в один из шкафов. Достала бутылку отменного коньяку, две рюмки и налила абсолютно равные порции. Одну рюмку передала Панину. – За тебя, мой дорогой.

Они выпили.

– Ты переспала с ним?! – чуть не взвизгнул Панин, так зверски жахнув об стол рюмкой, что у той отвалилась ножка.

– Сёма! Ты взрослый мужик. Руководитель крупного лечебно-профилактического учреждения. Семейный человек. Многодетный отец. Дед уже. А ведёшь себя, как пацан, тёлку которого видели «на раёне» с другим.

– А ты ведёшь себя как блядь! Как старая блядь! – зло-радно прошипел Семён Ильич.

– Ты ещё забыл добавить прилагательное «одинокая», – безмятежно прокомментировала Татьяна Георгиевна. – Старая одинокая блядь. Вот так бы было правдивее. Мы, старые одинокие эти самые, Сёма, можем вести себя как угодно. И с кем угодно. Потому что мы никому ничего не должны.

– Я сколько раз тебе замуж предлагал!

– Ой, ну завёл шарманку... Не так уж и много раз, если ты решил заделаться счётной комиссией. Не так уж и много. И не так уж искренне предлагал.

– Чем ты вчера занималась?!

– Ну ладно. Правда, правда и ничего, кроме правды. Ещё позавчера я термоядерно кокетничала с интерном на нашей ежегодной вечеринке двадцать третьего февраля, которую мы проводим в изоляторе вверенного мне отделения обсервации. Затем мы с интерном покинули здание...

– Выставила меня на посмешище!

– Опять твои ненужные эмоции. Как я могла выставить тебя на посмешище? Если бы Варвара Панина кокетничала с интерном – это было бы действительно посмешище. В смысле – ты был бы выставлен на посмешище. Но Варвара Панина жена и мама. Больше у неё профессий нет... Пардон, теперь ещё и бабушка. Многостаночница. В отличие от меня, имеющей одну-единственную специальность: акушер-гинеколог. Разумеется, я понимаю, что вы, Семён Ильич, в качестве начмеда конечно же сильно беспокоитесь за моральный климат в коллективе. Но тогда вам самому в первую очередь необходимо прекратить никому не нужные и даже тягостные многолетние отношения с заведующей обсервационным отделением Мальцевой.

– Так я что, больше тебе не нужен?!

– Я так понимаю, в текущий момент времени вопрос о ненужности кого бы то ни было лично мне – становится просто-таки злободневным.

– И не ёрничай, пожалуйста!

– Сёма, для полноты картины тебе не хватает только руки

заламывать. Кстати, что мы стоим, как два мудака? Ты не возражаешь, если я присяду на диванчик?

Татьяна Георгиевна шлёпнулась на диван и закинула ногу на ногу.

– А если ты будешь так беспредельно галантен, что позволишь мне закурить у тебя в кабинете, то я расскажу тебе, что было после того, как мы с интерном покинули здание. Именно на этом месте правдивого повествования ты меня перебил. Создаётся впечатление, что на самом деле ты не хочешь узнать продолжение.

– Кури! Пепельница сама знаешь где. Для тебя только и держу, между прочим!

– Как душевная щедрость! Какие милые разборки в два часа ночи в кабинете начмеда! Мечта любой женщины, что и говорить!

– Или ты прекратишь язвить, или я...

– Что ты?! Сёма, ну что – ты? – устало выговорила Татьяна Георгиевна и прикурила сигарету.

– Так что было дальше? Я хочу знать! – Панин опёрся на свой стол. Возможно, если бы он сел рядом... Но он не сел рядом. Он продолжал изображать обиженного любовника. Всё это напоминало плохо поставленную комедию.

– Дальше мы с ним пошли в кабачок. Потом ещё в один кабачок. А после – завалились к нему домой. Целоваться начали ещё в такси. Дальше помню смутно, но общее впечатление хорошее. Состояние моё было, что называется, удо-

влетворительным. То есть – полностью. От и до. Прямо тебя вспомнила в лучшие твои времена, вроде нашей студенческой поездки в Карпаты.

Панин становился всё мрачнее.

– Ну а потом меня разбудил Маргошин звонок. В три часа ночи. Она спешила меня обрадовать – ты стал дедом. И ей было абсолютно наплевать, сколько времени, где я и с кем. Как, впрочем, всем вам, моим добрым друзьям, наплевать на собственно меня. Затем мы с интерном выпили немного кофе с коньяком, немного покурили и снова отправились в койку. Моё состояние было уже куда более осмысленным, чем во время первого сета. И могу тебе сказать, что в постели он просто замечателен.

Семён Ильич подошёл к Татьяне Георгиевне и...

– Ты хочешь залепить мне пощёчину, но никак не можешь занести руку? Не стоит, Сёма. Не стоит... Распишитесь в истории и в журнале операционных протоколов, Семён Ильич. После чего я, с вашего позволения, всё-таки поеду домой.

– Ты же выпила!

– Ой, я тебя прошу. Жалкая рюмочка коньяку. Сейчас зажую кофейными зёрнами и поеду. В три часа ночи в такую погоду ни одно ГИБДД паршивого щенка на улицу не выгонит.

– Тань, ты всё выдумала, да?

– Что всё?

– Ну всё вот это. Про кабаки и постель. Ты же специально,

да?

– Я тебе ещё подробностей не рассказала. Ну, постельные опустим, раз ты не помнишь себя в Карпатах... Действительно, столько лет прошло, кто припомнит такие детали? Сейчас-то наш с тобой секс долгим и вкусным уже не назовёшь... Я про кухонно-кофейные подробности. С Марго по телефону я свистела голая. А интерн вынес мне свою рубашку. И кофе он мне варил, и коньяк наливал, и сигарету прикуривал совсем голый. Вот так вот.

– Ну точно всё выдумала. Чтобы меня позлить. Давай бумажки!

Татьяна Георгиевна молча кивнула на стол, где лежала история и журнал операционных протоколов. Молча встала, молча дождалась сигнатур Панина. И молча направилась к двери.

– Выдумала, да?! – крикнул Панин вдогонку.

Она, не оборачиваясь, пожала плечами. И молча вышла.

Кадр шестнадцатый

Молча

Молча приехать домой. Молча сварить кофе. И поговорить с портретом покойного. Тоже, разумеется, молча.

Ему с ней никогда не надо было слов. Ей с ним поначалу было надо. Много-много-много слов.

Она с ним познакомилась как раз когда влюблённый в неё до одури Сёма Панин приревновал к каким-то поцелуям на балконе. Не приревнуй он тогда – давно были бы женаты и было бы у Панина с Мальцевой трое детей и не Варя, а она сидела бы, нелепо подоткнув под себя ноги и сложив руки на коленках в третьем люксе второго этажа, безусловно счастливой бабушкой. И Таней, в честь неё, называли бы сейчас их первую с Паниным внучку. Но она ни о чём не жалеет. Ни о том, что принимала знаки внимания от всех подряд и с живостью на них откликалась. Ни о том, тем более, что Панин тогда приревновал. Как мужик ведёт себя в ревности – тоже показатель. Характеристика личности. Тест. Совершенные особи мужского пола бабу свою с таких балконов вытаскивают. И более не позволяют попадать ей в такие ситуации. Контролируют. Как контролировал её муж. Контролировал, но, всё понимая, отпускал. Зная, что ей это просто необходимо – «целоваться на балконах». Или сгонять в Карпаты.

Или... Муж любил её всё понимающей и всё принимающей любовью. И она его любила. Не так. Куда более эгоистично, куда более по-детски, но искренне и сильно, как люди любят только себя. Панина она никогда не любила как себя. Смешно... Ушёл, потому что она целовалась на балконе. К стенке бы сейчас поставили – не вспомнила бы с кем тогда целовалась. И не только тогда... Ни лиц, ни губ, ничего. Пусто в этом месте. Кроме, разве что, двоих-троих. Которые не из тех двоих, что были в твоей жизни главными. Да и они – не главные. Лишь собственное эго. Потому что без Панина – это просто без Панина. А без мужа – это без части себя. Ампутация. Сильная фантомная боль. Своя. В себе. Потому и так тошно. Тебе самой. Да-да, Танечка Мальцева, признайся – ты всегда была из таких что «а вот и я!» Нравилось нравиться. А Панину не нравилось, что ты всем нравишься... А мужу – нравилось. Он говорил, что и Панину нравилось. Просто Панин – самолюбивый самец. «А ты что, не самолюбивый?» – смеялась она тогда. «Я нечеловечески самолюбив. Настолько, что это выше самолюбия!» – смеялся он в ответ. Он, муж, всё про неё знал. Всё и всегда. Ему не надо было говорить. Но первые пару лет она забалтывала его вусмерть. «Скажи, я самая красивая?» – «Ты – самая красивая!» – «Ты меня любишь?» – «Люблю!» – «Сильно-сильно любишь?» – «Сильно-сильно!» – «Сильнее жизни?» – «Сильнее. Жизнь – ничто по сравнению с тобой!» Он был такой сильный, такой уверенный, такой надёжный... А потом его не стало. В мо-

мент. Как будто из груди вырвали лёгкие, вырвали сердце. Но ты почему-то не умерла. Ты ходишь, что-то делаешь – и даже неплохо справляешься. Но никто почему-то не видит, что на самом деле ты не можешь дышать и сердце твоё не стучит. На медосмотрах у тебя проверяют частоту дыхания и сердечных сокращений – и они, почему-то, есть. Хотя нет ни лёгких, ни сердца. Просто органы дыхательной и сердечно-сосудистой систем имитируют наличие у тебя лёгких и сердца. И давление у тебя есть. И периферические сосуды пульсируют. Ты чистишь по утрам зубы, принимая душ. Ты даже следишь за тем, что ты ешь... То есть сперва ты не ешь ничего. Ты опознаёшь труп в морге, что-то там тебе говорят менты и коллеги. Ты даже смотришь на искорёженную грудь металла. В чём-то расписываешься. Идёшь на похороны. Сперва их организовываешь и тут же на них идёшь. Едешь рядом с гробом в катафалке. Стоишь у могилы... Сразу после того, как не можешь стоять в кладбищенской церкви. На похоронах и поминках очень много людей. Оказывается, у него была какая-то своя жизнь... До тебя. Но она была – и её не выкинешь. Ты мог её не допускать до меня. Пока был жив. Но ты погиб. Умер. Тебя не стало. И какие-то совершенно чужие люди кидаются на крышку гроба. Какая-то посторонняя женщина плачет, держа за руку какую-то постороннюю девочку. И ещё одна посторонняя женщина рыдает и чуть не бросается в свежерытую могилу, держа за руку какого-то постороннего мальчика. О да! Ты не был на них

женат. Ты был женат только на мне. Но детей ты записал на себя. Ты не пускал их в мою жизнь, но ты записал их на себя. Да-да, если бы ты мог хоть что-нибудь изменить... Но поздно. Да и никто не в силах ничего изменить. Ты был единственным моим человеком. При жизни. Я была единственным твоим человеком. При жизни. Но ты погиб. Умер. Тебя не стало. Но стало так много неединственных твоих людей, что если бы твоя смерть не вырвала у меня лёгкие и сердце, их бы вырвали эти неединственные, но тоже твои люди. Это страшно, когда у твоего единственного человека вдруг оказываются какие-то ещё люди. И ты, пожав плечами, отдаёшь этим неединственным людям то единственное, что от тебя досталось... Для них единственное. Не квартирный вопрос испортил москвичей. Не только москвичей. Всех людей на этом свете испортили вопросы гражданского права. Ты жена и единственная – вот чёрт, противное всё-таки слово! – наследница. Но они ходят с какими-то незнакомыми мальчиками и девочками, в которых ты с отвращением узнаёшь черты своего единственного человека, и требуют. Приходят в дом с ними за ручку. Приходят на работу. С ними за ручку. И подают в суды. Где же вы раньше были, неединственные люди? Да нате вам просто так. И даже не давитесь. Единственное, что ещё оставалось – место, – становится не таким уж и важным, после того как в этом месте пили чай эти неединственные люди и ели конфеты эти твои... Дети. Блин, да. Твои дети. Единственное, чего у нас с тобою не было –

детей. Это было совсем не нужно, настолько было вместе... Но не в месте. А бабы-то, бабоньки... Голосят как заполошенные: «У нас от него дети! Де-е-е-ети!» Как будто милостыню просят. Противно. Где же раньше были его де-е-е-ти? Ах да. Насотько берёг, что эта часть спектра тебе была не видна. Бабки, видимо, кидал. В кино ходил. В школы устраивал. Что там ещё делают с детьми? Слава богу, что насотько берёг. Но безумно больно, что была у него не единственная на двоих жизнь. Было бы безумно больно, если бы не вырвали лёгкие и сердце... У вас от него де-е-ети? Берите, неединственные люди. Только не поубивайте друг друга при разделе места, где уже не мы, уже не вместе. Что ещё? Ещё есть грудa искорёженного металла. Тоже забирайте. На могилу? Не вопрос. Ходите. Я туда ходить не буду. Мне достаточно портретов. И тишины. В тишине нет места де-е-етям. Да что они значат, ваши дети?! Ничего ровным счётом. Даже сейчас скажи она Панину: «Ко мне!» и где будут его де-е-ети, его Варя и его внучка? Там и будут. В отдельной от неё жизни. Но не в отдельной от него. Нет, спасибо. Не надо. Это кому поумнее вариант. Не ей, дуре и эгоистичной собственнице Таньке Мальцевой. Человек – не пирог. Не делится на части. Всё остальное – популярная психология.

Вот уже и утро. И какого домой приезжала? С портретом пообщаться. Молча. Хотя уже давно и лёгкие на месте и сердце стучит как пламенный мотор, не подавая, несмотря на многолетнее курение и не слишком подходящий для

женщины образ жизни на работе, ни малейших признаков износа. И ты внимательно следишь за тем, что ты ешь. Дома завтрак лучше, чем на работе. Хотя и там, в кабинете, стоит банка мюсли, а в холодильнике – обезжиренные йогурты. Странное существо человек. Даже если у него вырвали душу, он может продолжать предпочитать инжир сушёным бананам и всё знать о калорийности продуктов. И о том, что клетчатка не переваривается. Потому, идя на гламурную вечеринку, не стоит наедаться минестроне, закусывая его рататуюем. Человек, всё знающий о репродукции, вполне может не любить дете-е-ей.

Ну дети, дети. Что дети? Де-е-ети хороши только в виде новорождённых. Здоровых новорождённых, не испытывающих затруднений при прохождении родового канала. А потом – на хер в неонатологию, и привет! В смысле, до свидания.

Чокнувшись с едва забрезжившим рассветом чашкой горячей воды с соком половины лимона, Татьяна Георгиевна Мальцева отправилась в душ. И с удовольствием приведя себя в порядок, с не меньшим удовольствием выбрала из своего гардероба одежду. Да-да, придя на работу, она моментально нарядится в зелёную пижаму и белый халат, сменив шикарные сапоги на белые моющиеся тапочки, но... одежда – это очень вкусный чувственный спектр мира. И потому не надо его исключать из собственной жизни. Из жизни всё ещё молодой, очень красивой женщины, отличного вос-

требованного специалиста, заведующей крупным отделением здорового родовспомогательного учреждения. Спасибо тебе, портрет, за беседу. Мне они здорово помогают, эти наши полуночные разговоры. Спасибо, что сделал когда-то из яркой дурноголовой девчонки изящную умную женщину. Я не могу тебя ненавидеть за то, что ты погиб. Я знаю, что была твоей единственной, как бы ни размахивало то бабье незнакомыми мне девочкой и мальчиком. Которые хоть и были похожи на тебя, но копии есть копии. Отцовский инстинкт – блеф. Его эксплуатация – рискованный блеф. Шантаж – заведомый проигрыш. Люди просто делятся на единственных и неединственных.

– Татьяна Георгиевна! – окликнула вышедшую из лифта Мальцеву консьержка. – Татьяна Георгиевна, тут вам вчера вечером цветы принесли. Я, извините, даже не заметила, когда вы домой пришли.

Не ругать же старушку за то, что она дрыхнет по ночам. Это тебе не дормен с Манхэттена, что вечно на посту в красивой униформе. На работу с цветами переться? Нелепо. Вернуться? Плохая примета. Глупости всё, эти приметы! Зеркал, что ли, в квартире мало? Зеркал по самое не балуй.

– Вот, забирайте! Красота-то какая. Ещё и деньжищ, поди, стоит. Белые розы зимой... Кто-то вас очень любит, Татьяна Георгиевна.

– Кто-то за мной ухаживает. Мужчина мало чем отличается от животного. Способы разные, а физиология брачных

игрищ такая же.

– А и давно пора вам замуж! Красивая, молодая, небедная...

Ох уж эти консержки. Мало чем от старушек подъездных обыкновенных отличаются.

– Брачные игры к серьёзным намерениям не имеют никакого отношения, моя дорогая...

Чёрт, как её зовут? Авдотья Филипповна? Анастасия Егоровна? Дома надо чаще бывать, Татьяна Георгиевна!

– Спасибо, что напоили мои цветы.

– Да ну что вы, Татьяна Георгиевна, такая красота! Я уже сменщице записку написала, что если вы не придёте, чтобы она им воду сменила.

Действительно, двадцать одна белая роза. С ума сойти! От кого же? Интерн? Да ну, откуда у него деньги! Наверняка все свои текущие сбережения на кабаки с ней грохнул. Семён Ильич? Да тот цветы дарит только на день рождения, на восьмое марта, на... четыре раза в год, короче. Волков? Скорее всего. Может, записка какая есть?

– Открытки или карточки не было? – спросила Татьяна Георгиевна, принимая у старушенции громадный пахучий букет.

– Не было.

– А кто принёс?

– Да мальчонка какой-то хлипкий.

– Ясно. Спасибо вам ещё раз.

«Хлипкий мальчонка» – значит, просто курьер службы доставки. Интерна хлипким не назовёшь, а Панин и Волков давно уже из «мальчонок» вылупились.

Развернуть, подрезать, поставить в вазу, в чуть подсахаренную воду, кинуть таблетку аскорбинки... Ну вот, пусть стоят тут в тишине. И одиночестве. Пока-пока, белые розы. Не знаю, когда вернусь.

– Танька, я сбилась со счёта! Это под каким номером меховая курточка?

– Это, Маргоша, курточка без номера. Я их не нумерую. Так люблю, без номеров. Что мы, на охоте, что ли?

– Ладно, по сигаретке и арбайтен?

– Давай! Я смотрю, ты уже на посту?

– Здравсьте! Я сегодня в смене была.

– Понятно. У меня уже смешалось, когда ты в смене, а когда «блатняк» принимаешь...

Подруги прикурили по сигаретке, причём Маргарита Андреевна – явно не первую. Некоторое время курили молча.

Старшая акушерка обсервации поглубже запахла синий халат «для выхода».

– Скоро весна, Танька!

– Угу...

– Что угукаешь? Весна! Оживают даже старые кочки! Обожаю весну.

– Грязь, слякоть... Да и когда ещё та весна? В прошлом году снег сошёл только после майских.

– Всё равно – скоро весна! И у тебя пройдёт депрессняк.

– Нет у меня, Маргоша, никакого депрессняка. Точнее, он есть. Но последние пятнадцать лет. И от времени года он не зависит. И я весну ненавижу, ты знаешь.

– Это потому что Матвей весной разбился?

– Ох, Маргарита Андреевна, хороший ты человек, но такта в тебе ни на грош.

– Да кому он упал, тот такт? Давно тебе пора забыть. Прах к праху.

– Пошли работать, Марго. Не лечи меня, бога ради.

– Да-да, это не лечится. Иди, на хер, в монастырь! Избавь себя от мира, а мир – от себя!

Маргарита Андреевна со злостью вышвырнула бычок и стремительно вошла в приём, чуть не хлопнув старой подруге по носу дверью.

Начался обычный рабочий день наблюдационного отделения родильного дома. То есть не начался, а сменил собой рабочую ночь. Родильный дом – не присутствие. Здесь служба идёт круглосуточная. Нет здесь менеджеров от 9.00 до 18.00. Здесь даже у самой обыкновенной санитарки частенько случается ненормированный рабочий день. И ненормированная рабочая ночь. Ненормированная жизнь, где форс-мажоры – норма, а норма – понятие слишком растяжимое. Даст бог, не до разрыва растяжимое, и на том спасибо.

В три часа дня в кабинет заведующей постучалась акушерочка приёмного.

– Татьяна Георгиевна. Женщина поступает. Необследованная. Глухонемая. Со схватками. К вам?

– Ну раз необследованная, то, разумеется, ко мне. Документы у неё есть?

– Паспорт.

– А переводчик?

– Кто?!

– Сурдопереводчик. Муж, сестра, подруга! Кто-нибудь с ней есть?

– Нет, только врач «Скорой». Она нам пишет.

– Замечательно. «Пишет»... Зовите Светлану Борисовну – пусть принимает в родзал.

Через полчаса Татьяна Георгиевна пришла в родильный зал. И застала милую картину: Светлана Борисовна Маковенко диктовала интерну Александру Вячеславовичу Денисову протокол внутреннего акушерского исследования с таким видом, как будто тайны и загадки вселенной разъясняла. Или песнь песней сочиняла.

Мальцева усмехнулась.

– Светлана Борисовна, доложите, пожалуйста, акушерскую ситуацию.

– Шейка матки укорочена до сантиметра, раскрытие – два пальца. Воды стоят, плодный пузырь цел. Родовая деятельность регулярная. Схватки по двадцать – двадцать пять секунд через десять-одиннадцать минут. Сердцебиение плода

ясное, ритмичное, до ста сорока ударов в минуту. КТГ⁸ – нормальная.

– Хорошо, Светлана Борисовна. Через два часа позовёте меня, если прежде ничего не произойдёт. И ещё, Светлана Борисовна, дорогая, шапочку наденьте. Вы, всё-таки, в родзале.

– Вы сама... – Маковенко запнулась.

– Ну-ну? Что я сама? – резко развернулась к молодому ординатору Татьяна Георгиевна.

– Вы сама, Татьяна Георгиевна, без шапочки, – тихо прошептала Светлана Борисовна, заалев пуще розы.

– Я сама, Светлана Борисовна, мою голову чаще, чем вы. У меня самой, Светлана Борисовна, волосы в куда большем порядке, чем у вас. Я уже не говорю о том, Светлана Борисовна, что я сама тут заведующая отделением наблюдения и родильно-операционным наблюдением блоком. Ещё аргументы нужны? Не будете соблюдать санэпидрежим – вы-

⁸ КТГ – кардиотокограмма – является одним из ведущих методов оценки состояния плода в антенатальном периоде (28—30-й недели беременности). КТГ – это одновременная регистрация частоты сердечных сокращений плода, двигательной активности плода и тонуса матки. Кардиотокограф автоматически высчитывает частоту сердечных сокращений плода в одну минуту между каждыми двумя последующими ударами и регистрирует на графике в виде кривой. При изучении КТГ оценивают три основных параметра: базальный ритм (средняя величина между мгновенными значениями ЧСС плода за десять минут без стрессорных воздействий); вариабельность сердечного ритма (его регулярность по амплитуде и частоте); периодические изменения сердечного ритма (обычно связаны с сокращением матки и/или движением плода).

кину из родзала. А то и вообще из отделения. Вы тут сегодня как дежурите? До четырёх часов? Могу и это отменить. Вообще в родильный зал не зайдёте!

Да-да, слишком зло. Но где это видано, чтобы ординатор себе позволял конструкции типа «Вы сама...» Вот же ж тля! Выделяется тут. Как она достала, эта Маковенко. Впрочем, меньше, чем другие. Она исполнительная, хотя акушерского таланта бог не дал. По сравнению с Наезжиным Света вообще пуся. А компанию из двух ленивых баб предпенсионного возраста вообще пора разогнать! А дежуранты? Это же смерть мухам, какие тут в обсервации дежуранты! Народу валом, а работать некому. Можно подумать, она тут день и ночь торчит просто-таки из любви к искусству или потому что дома её только портрет покойника ждёт! Да нет же! Она тут «сама» торчит, потому что жопоруких и гонористых навалом, а толку от них – чуть!

Маковенко уже была готова не то извиняться, не то разрыдаться, не то всё сразу, потому что когда у Мальцевой такое лицо, то...

Но тут раздался такой жуткий вой, что Татьяна Георгиевна враз забыла и о кадровом беспределе, и о сальных волосиках Светланы Борисовны, и о том, что эта пигалица пускает пыль в глаза интерну.

– Господи, что это?! – ахнула она.

– Это она так каждую схватку, Татьяна Георгиевна, – ответила ей Маковенко.

– Кто, она?

– Да Валя же эта. Глухонемая!

– Боже мой, ну вы как-то её успокойте. Вы...

К Татьяне Георгиевне из предродовой выскочила первая акушерка смены:

– Татьяна Георгиевна, мы с ней тут, как с родной возимся. Она из области. Обменной карты нет, нигде не наблюдалась. Мужа нет. Пишет нам тут на бумажках, да только пишет одно слово: «Больно! Больно! Больно!» Мы её успокаиваем, что всем больно. Но вот так вот, как зверь, она первый раз взвыла. Это что же дальше-то будет, а?!

– Всё хорошо дальше будет. Будет нормальное раскрытие – зовите анестезиолога, пусть эпидуралку ей делает. Всё пока, работайте. И наденьте, всё-таки, шапочку, Светлана Борисовна!

Через час глухонемая родильница стала выть так, что слышно было по всему первому этажу. В родзал спустился анестезиолог, хотя его пока никто не вызывал. В руках у него был свёрнутый в трубу лист ватмана.

– Между прочим, в Великобритании акушеров будут обучать азбуке глухонемых! – вместо приветствия обратился ко всем Аркадий Петрович Святогорский. – Эти знания помогут акушеркам оказать необходимую помощь глухонемой женщине в экстренных случаях, когда нет возможности пригласить сурдопереводчика! Великобританский университет де Монфор стал первым высшим учебным заве-

дением, включившим курс языка глухонемых в программу обучения акушерок. Руководство университета выразило надежду, что этому примеру последуют другие учебные заведения по всему миру, занимающиеся подготовкой работников здравоохранения! – торжественно продекламировал анестезиолог. – Если бы я не знал обо всём, что происходит в этом родильном доме, я бы предположил, милые мои работники здравоохранения, что вы тут в наблюдательном родильном зале режете свинью. Или у вас корова третьи сутки не доена, – завершил он доверительным полусёпотом.

– Аркадий Петрович, сил уже никаких нет! – всплеснула руками первая акушерка смены.

– Моя крошка! – сочувственно проворковал Святогорский своей, в общем-то, ровеснице. – Тебе с детства по всеми нами любимой, ныне раскрашенной под детскую карусель, советской мыльной опере про Штирлица должно быть памятно, что во время родов женщина кричит на родном ей языке. А что делать глухонемым? Эта несчастная корова... Как её зовут?

– Валя!

– Эта несчастная корова Валя даже объясниться с вами со всеми толком не может, уважаемые мои бессовестные и бесчувственные коллеги! Попробуйте сами писать жалобы, когда у вас внизу живота черти пляшут на горячей сковородке! Свиньи вы, а не работники здравоохранения! – На этой обличительной ноте Святогорский развернул свой плакат. Это

была – ни много ни мало, – азбука глухонемых на листе формата А1.

– В главном корпусе разыскал, в учебном классе у лориков, пока вы тут над женщиной изгалялись. Тащите её сюда!

Санитарка метнулась в предродовую палату.

– Валя, Валя!!! Вставай, идём! Валя! Там доктор-анестезиолог пришёл! Будет делать так, чтобы тебе не было больно! Идём, Валя!

– Давайте, давайте её сюда! – подбадривал Святогорский персонал родзала, глядя в разложенный на столе плакат и что-то изображая руками. – Эх, давненько я этого не делал, – бормотал он себе под нос.

Наконец санитарка с помощью акушерок вывела несчастную Валу. Аркадий Петрович фигурно помахал у неё перед носом. И тут – о чудо! – до сих пор только плакавшая и издававшая непривычные для нормального человеческого уха стоны, больше похожие действительно на страдания животного, чем на человеческий крик, Валя улыбнулась! И, взяв Святогорского за руку, стала что-то делать с его пальцами.

– Да-да, хорошо, дорогая, именно так. Я просто забыл, прости. – И он снова начал изображать пальцами никому не понятные па.

– Что ты ей сказал? – почему-то шёпотом спросила Аркадия Петровича Татьяна Георгиевна.

– Я ей попытался сказать: «Привет, Валя!» Подозреваю, что на вопрос: «На какие лекарственные средства у тебя ал-

лергия?» – у меня уйдёт вся оставшаяся смена, – почему-то тоже прошептал он в ответ, но тут же спохватился. – Танька, а чего мы шепчем, как придурки? Если отвернуться или хотя бы повернуть голову, – она ничего не поймёт. Они по губам ещё читают, а вот слышать – ни фигушки не слышат. Я вообще-то... Интерн, иди сюда! – крикнул Святогорский. – Интерн, пользуясь вот этой самой азбукой, спроси нашу драгоценную Валю, есть ли у неё аллергия на лекарственные средства. Двойная польза. И её от боли отвлечёшь, ибо давно известно, что замещение чего бы то ни было хоть чем-нибудь – одна из лучших форм терапии. И себя развлечёшь. Узнаешь, как на языке глухонемых сказать: «Пошли вы все на...» Видишь, какое у них забавное «и краткое»? – Аркадий Петрович ткнул пальцем в плакат. И вообще, девушки и юноши, подходим, не стесняемся, пытаемся разговаривать с Валеёй!

И вдруг Валя снова завывала.

– О господи! – подскочил анестезиолог. – Давайте её срочно прооперируем!

– Аркаша! – укоризненно покосилась на него Мальцева. – Нет показаний.

– А мы напишем в соответствующей графе: «Вой стаи кошек, застрывших в жестяной трубе, сводил с ума жителей всех окрестных домов».

– Прекрати! Не смешно!

– Самому не смешно. Страшно!

Но, надо отметить, Валя выла всё-таки тише, чем прежде.

И как только миновала схватка, стала медленно показывать что-то на пальцах с таким уморительно-виноватым лицом, что все невольно заулыбались.

– А я думала, что глухонемые во время родов вообще молчат, – вдруг высказалась Светлана Борисовна.

– Боже мой! – страдальчески заломил руки Святогорский. – Чему вас там нынче в медицинских институтах учат?

– В академиях! – съязвила первая акушерка смены. – В академиях их нынче учат.

– Глухонемота, дражайшая девочка Светочка, является, как правило, результатом врождённого недоразвития органов слуха. И отсутствие речи обусловлено вовсе не отсутствием речевого аппарата. У Вали есть и связки и язык, прошу заметить. Вы осматривали при поступлении язык? Розовый, без налёта? Есть соответствующая запись в истории родов? – строго вперился Аркадий Петрович в Маковенко. – То-то же! Так вот, дорогая моя, глухонемота – она сначала глухота и только лишь потом – немота! Это же элементарные вещи, зайчик Светочка! Развитие речи в норме происходит на основе именно слухового восприятия речи окружающих и, как следствие, подражания ей. Если же ребёнок рождается глухим или теряет слух в возрасте до одного года, то он лишается возможности овладеть речью без специальных приёмов обучения. Видимо, в том селе, откуда к нам прибыла наша прелестная Валя, – Святогорский повернулся к роженице, увлечённо складывающей пальцы Александра

Вячеславовича во всякие разные фигуры, и что-то ей показал руками. Она закрутила ответные фортеля и несколько минут они «переговаривались». – Я ж говорил, что быстро вспомню!.. Да, так вот, – Аркадий Петрович снова повернулся к своим собеседникам. – Видимо, в том селе, откуда к нам прибыла наша прелестная глухонемая Валя, специальными приёмами обучения не заморачивались. Впрочем, я выяснил, что она училась в интернате для глухонемых целых семь лет. Но знаю я отлично эти интернаты. Там и раньше-то говорить вслух учили только за деньги. Да и то далеко не во всех. А уж теперь... В общем, удивительно, драгоценная наша Светлана Борисовна, как вы, живя на белом свете вот уже без малого тридцать лет...

– Мне всего лишь двадцать пять! Как Александру Вячеславовичу! – обиженно выкрикнула Маковенко.

– Вот я и говорю – без малого тридцать лет живя на свете, закончив медицинскую не что-то там, а целую *академию*, вы, Светлана, ни разу не столкнулись с глухонемыми людьми.

– Слушай, Аркаша, ты что, язык глухонемых знаешь? – несколько запоздало удивилась Татьяна Георгиевна.

– Немного. Совсем немного. Моя матушка трудилась педагогом в одном из подобных интернатов в те достославные времена, когда этими детьми занимались не только богатые родители, но и государство. В СССР, понимаешь ли, существовал закон о всеобщем обязательном обучении, который распространялся и на глухонемых. И все глухонемые детки,

начиная с ясельного возраста, посещали специальные учреждения, где овладевали речью. В учреждениях «покруче» – в том числе и устной её формой. Хотя, честно говоря, не нравится мне, как говорят глухонемые. Их речь, как правило, лишена модуляций и так свойственной иным типам вроде меня метафоричности и цветистости. Мне больше нравятся глухонемые с их дактилологией. Это потрясающая штука. Это прекрасный танец. Это не каждый сдюжит, доложу я вам.

– Что, этой... дактилологии так трудно выучиться? – поинтересовалась первая акушерка.

– Понимаешь, пуся, – снова занежничал Святогорский, – всё, разумеется, зависит в первую очередь от индивидуальных способностей. Причём не только интеллектуальных, но и физических. Тут нужна превосходная координация, очень подробная и быстрая реакция всего тела. Подчёркиваю – всего! Кстати, обратите внимание, у нашего замечательного интерна весьма неплохо получается. Он нашей милой Вале ещё и поясницу гладить умудряется. И заметьте, дамы и... дамы, наша милая Валя уже не орёт дурной недоеной коровой. Постанывает, но так увлечена возможностью побыть рядом с прекрасным принцем, да ещё и чему-то его поучить... Есть такие женщины, очень любящие мужчин чему-то учить. А есть женщины, напротив, любящие, чтобы мужчина доставался им со всеми необходимыми умениями. – Он кинул мимолётный, но весьма красноречивый взгляд на Мальце-

ву. – Впрочем, я отвлекся. Так вот, кроме всего мною перечисленного, нужна богатейшая мимика. Мало того, при разговоре с глухонемым тело должно работать одновременно с мозгами. Для глухонемых – это норма. А для нас... – Святогорский махнул рукой, – сами знаете. У кого-то котелок слишком долго варит, пока поезд уходит. А у кого-то сперва тело творит чепуху и только потом мозги догоняют... Ещё у глухонемых пластика почти у всех практически театральная. Контур и линия движения-выражения должны быть «поставлены». В общем, по книжкам научиться не получится. Всё это нужно видеть во плоти, в динамике. Повторять за ними, чтобы исправляли неверное движение или комбинацию. Неверное и, значит, непонятное для них. У Сашки, кстати, реально неплохо получается. Талантливый пацан. Талантливый человек талантлив во всём. Да, Татьяна Георгиевна? – Аркадий Петрович весело посмотрел на заведующую.

– О чём вы, друг мой? Не понимаю... А, постойте! Дошло! Вы уже перекурили с Маргаритой Андреевной, да? Она с сегодняшнего утра со мной в контрах. До первого неконтрактного блатняка, разумеется. Ну и по-дружески... Да, Аркадий Петрович, вы совершенно правы. Талантливый человек талантлив во всём. Хотя это, кажется, гораздо раньше вас заметили.

– Да, так вот, по теме! И не сбрасываем со счетов иную, так сказать, структуру речи и форму диалога у глухонемых, – безмятежно продолжил стервец Святогорский. – Это совсем

другая речь! Не в смысле – язык, а в смысле: способ общения. Если вы плотно собрались общаться с глухонемыми, придётся перестраивать манеру мыслить. Да-да, друзья мои. Для нас, слышаще-говорящих, мучительно менять стилизацию речи и говорить почти односложно. Мы злоупотребляем этой самой стилизацией речи, частенько бессодержательными, но выразительными эпитетами и сложноподчинёнными оборотиками, как будто каждый, вслух свистящий, есть не меньше чем Бунин Иван Алексеевич. Глухонемые урезают форму ради предельной ясности содержания. Никогда глухонемой не сказал бы мне, как наша разлюбезная Татьяна Георгиевна: «О чём вы, друг мой? Не понимаю... А, постойте! Дошло!» – и так далее... Будь Татьяна Георгиевна глуха и нема, она сказала бы... – Аркадий Петрович быстро изобразил что-то руками.

– Это то, о чём я подумала? – улыбнувшись, уточнила Мальцева.

– Именно, друг мой, именно! Краткость и предельная ясность формы.

– Красиво! Но я тебе за сплетни отомщу! Я выкину твою вечную сумку с надписью USSR.

– Только не это! Лучше кастрируй! Мне это дело, в отличие от молодых людей, – Святогорский снова кинул выразительный взгляд на интерна, плотно занятого роженицей Вaley, – уже ни к чему! А сумка моя мне дорога как память о долгих годах работы в угнетаемых французами черноко-

жих колониях, где при французах всё было, а по установлению социалистического строя всё куда-то пропало. Совсем. У нас даже один посольский секретарь стишок сочинил про это: «Здесь до хера портретов Нету⁹, и ни хера здесь больше нету!» Зато я из стран недоразвитого социализма привёз себе чёрную же, пардон, «Волгу» и кооперативную квартиру... О, а вот и прекрасная Маргарита Андреевна подтянулась!

– Что у вас тут за митинг в моём родзале? Аркадий Петрович опять своим давно потёртым скарбом похвается? – ехидно уточнила старшая акушерка наблюдационного отделения, суровой деловитой поступью войдя в родильно-операционный блок.

– Не митинг, а консилиум, Марго! – притворно-строго прикрикнул Святогорский. – И не похваляюсь, а констатирую факт: врачу нынче на квартиру за три года не заработать. А я в своё время – заработал! Как раз тогда и сумочку эту купил. Она мой талисман. Руки прочь от USSR! Мгновение, дамы. Молчите! Молчание – золото. Сейчас я закончу, и мы пойдём на воздух мириться. То есть – мирить вас друг с другом, дорогая Татьяна Георгиевна и не менее дорогая Маргарита Андреевна... Итак, говорить на языке глухонемых сложно ещё и потому, что некоторые вербальные понятия у них полностью отсутствуют в личном словаре. И че-

⁹ Антониу Агошти́ньо Нэту – ангольский государственный деятель, поэт, первый президент Народной Республики Ангола с 1975 по 1979 год, председатель МПЛА – Партии труда (до 1977 года Народное движение за освобождение Анголы).

ловек, решивший обучиться этой премудрости в зрелом возрасте, выстраивая своей тушкой фразу, кроме собственной корявости и нелепости сталкивается ещё и с тем, что вроде всё правильно и точно по букварю сказал, а его всё равно не поняли, чучелу такую! Почему? Да потому что если нечто естественное и обыденное для, например, Татьяны Георгиевны не введено в оборот мышления и «словарь» нашей милой Вали из области, то язык жестов госпожи Мальцевой может оказаться для простой сельской глухонемой девушки даже и весьма обидным. Хотя, конечно же, сурдопереводу может выучиться каждый. Приматы достаточно легко обучаются азбуке глухонемых. Человеку на потеху. Потому что в природе животные вообще понимают друг друга без слов. Молча. А теперь, если Валя более-менее спокойна, то пойдёмте, дамы, в сад!

Святогорский схватил под руки Татьяну Георгиевну и Маргариту Андреевну и утащил их в приём.

– Дали друг другу мизинчики и быстро сказали: «Больше ссориться нельзя, кто поссорится – свинья!»

Дамы весьма охотно это сделали.

– Только пусть она пообещает впредь молчать! – не выдержала Мальцева.

– О чём? О том, что ты переспала с интерном? – несколько торжественно уточнил Аркадий Петрович.

– Господи, что весь родильный дом уже в курсе?

– Ещё не весь.

– Вот спасибо!

– Да плевать ей, кто в курсе про интерна или про чёрта лысого. У нашей королевы только одна запретная тема – умерший король. С тех пор как он умер, никакой другой никак не да здравствует! Регенты уже совсем измучились. Начинаю понимать Панина. Она, наверное, ему на ушко вместо «Сёма» шепчет «Мотя».

– Марго, хватит! – вполне серьёзным тоном сказал анестезиолог.

– Да о ней же забочусь!

У Татьяны Георгиевны по лицу вдруг покатались слёзы.

– Аркаша, дай платок. Если кто увидит, что я тут расклеилась на ступеньках приёмного... Разговоров будет больше, чем про мои постельные экзерсисы. – Она через силу улыбнулась.

– Танюша, прости меня, дуру! Не буду! Больше, ей-богу, не буду никогда. Ну я же люблю тебя, идиотина! Ну хочешь, на колени кинусь? – заголосила Маргарита Андреевна и действительно тут же брякнулась на колени прямо на бетонные ступени.

– Вставай, дура! – все еще всхлипывая, улыбнулась Татьяна Георгиевна. – А то начнут говорить, что мы с тобой на старости лет окончательно свихнулись.

– Вот, это другое дело! Иногда наговорить всякого не так уж и плохо. Хотя порою, девочки, я страшно жалею, что вы не глухонемые! – нежно притянул их обеих к себе Аркадий

Петрович. – Это ж какие бы классные бабы были! Красивые, ладные, рукастые. И – главное! – молчаливые!

– Татьяна Георгиевна! – выскочила на ступеньки Светлана Борисовна. – У Вали воды излились!

– Ну и чего орёшь, как будто пожар?! – кинулась на ни в чём не повинную Маковенко заведующая. – Ну воды излились. А ты тут акушер-гинеколог или фуфло? Впрочем, пока ты именно что фуфло! Укладывайте на кресло. Сейчас иду!.. Ну вот, ещё не хватало, чтобы эта мышь с комплексом Наполеона видела меня с красными глазами.

– Да не успели они у тебя покраснеть. Идём, а то все вместе посинеем.

На должном раскрытии Аркадий Петрович сделал Вале эпидуральную анестезию. А с интерном Валя до самого рождения ребёнка не расставалась ни на минуту. И только получив на живот своего крепкого здоровенького мальчика, наконец забыла про интерна. Через полчаса после того, как всё закончилось, левой рукой прижимая к себе младенца, правой написала на листике, чтобы к ней позвали анестезиолога.

Маргариту Андреевну, внимательно наблюдавшую за последующей немой мизансценой, этот танец рук, признаться, заморозил:

– О чём вы с ней так долго... разговаривали?

– Она боится, что её малыш будет глухонемой. Я её успокоил, что скорее всего нет. Это не генетика. Сама-то девка щипцовая. А пацан без затруднений родился. Во время бе-

ременности она ничего не принимала. Так что сказал оберегать от простудных заболеваний. И падений из кровати. И слишком ретивых докторов.

– И ты ей это всё на пальцах объяснил?

– Именно что на пальцах! – коротко хохотнул Святогорский. – Без метафор и красивостей.

– Нет, ну всё-таки, откуда ты так хорошо знаешь этот их язык? Про маму мне акушерка уже доложила. Ну мало ли где и кем мама работала. У меня, вон, мама на механическом заводе работала. Токарем. А я что-то детали вытачивать не умею.

– Так я всё детство при маме был. Потому что папы у меня не было. Я в том интернате для глухонемых читать-писать научился. Ещё до нормальной школы. Да и все каникулы там проводил. Дети – они всё быстрее взрослых осваивают. Общаться-то охота. А как с ними общаться? Только молча. «Страну глухих» смотрела?

– Не-а...

– Посмотри. Там здоровенная дрымба гениально глухонемую играет. Вероятно, тусовалась с ними перед съёмками. Без личного опыта общения так хер сыграешь. Ты знаешь, что Дастин Хоффман перед съёмками «Человека дождя» некоторое время посещал дурдом? Профессионалы никогда не верят на слово... Смешно. В контексте сегодняшнего.

– Что смешно?

– Про «не верить на слово». Вот тебе ещё история о сло-

вах. Моя мама, двадцать пять лет проработав в интернате для глухонемых, ушла к дэцэпэшникам. Не то там зарплата была больше, не то... Не знаю, почему ушла. Не важно. Важно то, что, когда она в школе для глухонемых преподавала, то, когда ученики её слишком доставали, она отворачивалась к доске и громко орала: «Ёб твою мать, блядь! Как вы меня достали, выродки!!!» А потом снова поворачивалась к ним – и опять мир, дружба, жвачка. А тут дэцэпэшники. Корявые, но слышат хорошо, да. Вот в один из дней они её довели и она, отвернувшись к доске, выдала свой коронный текст. Моторная привычка сработала. Выматерилась и чует за спиной зловещую тишину. Не привыкла дэцэпэшная малышня слышать от своей любимой учительницы эдакие кульбиты. Маман развернулась, извинилась перед детками, и прямёхонько в кабинет к директору пошла, мол, увольняйте, такая вот фигня вышла. Не уволил. Сказал-де, с кем не бывает.

– Каким же учителем твоя мама была?

– А младших классов, Марго. Младших классов. «Учительница первая моя», так сказать.

– Что же она так, про выродков-то?

– Ой, Маргарита Андреевна, а то ты беременных, бывает, не материшь?

– Матерю, ещё как матерю.

– Но в общем и целом – ты прекрасная акушерка и к тебе уже поколениями ходят и очереди стоят, так?

– Ну так.

– Вот и мою маму все её ученики любили. У нас полный дом на её дни рождения и День учителя собирался. Всё глухонемые и корявые. Взрослые уже, а её не забывали. Поорать иногда в кайф, не правда ли Марго? Сотряс воздух – и вроде как легче.

– Ну бывает...

– Вот! Самые страшные драки, что я в жизни своей немалой видел – это были драки глухонемых. Малышни и подростков. Они не бились до первого фингала или первой крови. Как дерутся нормальные дети, дети с ДЦП¹⁰ или даже слепые дети. Эти дети – глухонемые – бились насмерть. Издавая дикие животные глухие мычаще-стонущие вопли... Иногда тишина, Маргоша, это страшно. Так что ты Татьяну Матвеем не доставай. У неё в этом месте сильное нарушение восприятия. Не вина её, а беда. Хотя, может, именно поэтому она, Танька, и счастливее всех нас.

– Не понимаю я...

– А и не надо! Слушай, Маргарита Андреевна, вы плакатик мой с азбукой глухонемых не выбрасывайте.

– Здравсьте! Чего это мы его выбрасывать будем, тебе же его на кафедру ЛОР надо вернуть.

– Да никуда мне его не надо возвращать. Соврал я. В шкафу в раздевалке этот ватман у меня бог знает сколько лет стоит. С тех пор как в ту самую кооперативную квартиру переехали с моей супругой, исполняющей обязанности всевыш-

¹⁰ ДЦП – детский церебральный паралич.

него¹¹. Так она две вещи ненавидит – мою сумку – про это вы все знаете. И вот этот плакат. Всё он ей мешал. Выкинь да выкинь! А я не смог. Матери уже нет. Выкинуть этот плакат – вроде как последнюю память о ней и о детстве уничтожить. Так что если он вам не нужен – вы мне его верните. А если нужен, то и хорошо.

– Аркаша! Мы его на стену привесим, честь по чести. Не только в Великобритании, в конце концов, акушеркам образовываться! – рассмеялась Марго и поцеловала старого анестезиолога в колючую щёку. – Так что будешь иметь возможность каждую смену памятью о детстве любоваться!

– Ну всё, всё... Не то я растаю, поплыву, рассентиментальничаюсь. И это будет действительно смешно.

– Вот никак не мог даже сейчас обойтись без слов, да?! Без оборотиков и вечного своего цинизма!

– Не мог, Маргоша, не мог. Иначе бы заплакал. Ну или зарычал... Слушай, а у этого засранца Александра Вячеславовича действительно лихо получалось с Валеёй балакать. Реально способный молодой человек. И я уже почти уверен, что во всём. Ладно, пойду к себе, на пятый этаж. Если что – ни в коем случае не вызывайте! Я старый больной человек, мне нужен крепкий продолжительный сон. Желательно – медикаментозный.

¹¹ Жена Аркадия Петровича Святогорского – заведующая отделением инвалидов Отечественной войны (ИОВ) той же больницы. – См «Роддом. Сериал. Кадры 1—13».

Разумеется, что никто никому и никогда тут не желал спокойной ночи. Ни вслух, ни жестами. Врачи – самые суеверные люди на всём белом свете. Так что разошлись по рабочим местам молча.

Кадр семнадцатый

Крепкий продолжительный медикаментозный сон

В девять вечера около приёмного отделения припарковался милицейский «бобик». Два плотных дяденьки в серых форменных бушлатах выволокли из зарешёченной части машины еле стоящую на ногах тощенькую бабёнку и под руки затащили её в родильный дом.

– Принимайте обдолбанную девку, это по вашей части! – сказали плотные дяденьки стройненькой молоденькой акушерке, открывшей им двери, воткнули синюю вонючую бабёнку в стул, и быстренько испарились. Только колёса «бобика» по снегу скрипнули.

– Пшла на хуй! – изрекла «фея».

– Что вы себе...

– Пшла на хуй, я сказала! – повторило диво дивное, и голова её склонилась на плечо.

– Зинаида Тимофеевна! – крикнула растерявшаяся акушерка. И тут же схватилась за телефон.

– Татьяна Георгиевна, тут явно к вам... Милиция привезла и уехала. А санитарка ушла в главный корпус за бельём. А я её боюсь!

– Кого ты боишься? – уточнила трубка.

– Чему вас учат?! Надо было уточнить, какое отделение, где нашли!

– Они сказали только: «Принимайте обдолбанную девку, это по вашей части!» – и уехали. Как я буду милицию задерживать?

– Ну ты дубина! – рывкнула Мальцева на акушерку, уже нащупав пульс на сонной артерии и теперь пристально осматривая руки бабёнки. – Надо было выскочить и номера машины запомнить. Вызывай для начала анестезиолога. Менты правы. Баба совершенно обдолбанная. Свежеобдолбанная. И она рожает. Кто сегодня в обсервации дежурит, Линьков? Его тоже вызывайте!

– Татьяна Георгиевна, Линьков уехал. Сказал на пару часов. Сына из школы забрать. Всё равно, – сказал, – Мальцева здесь! – чуть не плача, выговорила акушерка.

– Не родильный дом, а бордель какой-то! Завтра же докладную начмеду и на хер этого пенсионера, пусть своим малолетним отпрыском занимается...

– Бля-а-а-адская же ж бляа-а-адь, сука, бо-о-о-льно! – перебила возмущённую Татьяну Георгиевну дама «с паркета». У неё, по-видимому, снова началась схватка.

– Александр Вячеславович, что стоите остолопом?! Помогите мне это поднять и уложить на кушетку!

Акушерка тоже бросилась на помощь. Впрочем, это было совершенно лишним. Интерн легко поднял «обдолбанную девку».

– Да она весит всего килограммов сорок, – констатировал он. – Не трогайте её, Татьяна Георгиевна, она сильно воняет.

– Привыкайте, мой дорогой, в акушерстве, бывает, ещё не так, как вы выразились, воняет. Почему у неё под дозой схватки болезненные? И где, чёрт возьми, Аркадий Петрович?!

– Я тут, мой ангел! – из «приземлившегося» лифта вышел Святогорский вместе с Зинаидой Тимофеевной. – Поскольку urgentный звонок не трубил, я позволил себе по дороге сюда подобрать нашу славную санитарку в подвале. А то сколько она там будет мёрзнуть, бедолажечка, с гружёной каталкой, если тётка Зинаида у нас нынче и за лифтёра в связи с урезанным бюджетом? Ну что у нас тут? Ломка?

– Да нет, не ломка. Тьфу ты! Не абстиненция! Похоже, свежепринявшая. Менты привезли и бросили, а акушерка юная, голова чугунная, ментов не задержала, зараза!

– А что, менты оказывали сопротивление при задержании? Ах как нехорошо, голубушка, что вы не обучены приёмам задержания ментов, оказывающих сопротивление! – укоризненно проговорил он в сторону акушерки приёмного, шупая тем временем пульс и на крупных сосудах, и на периферических. – Так, измеряй давление! Это-то ты умеешь?

Акушерка бросилась трясущимися руками наматывать манжету.

– А ты что стоишь?! – рывкнул он на свою анестезистку. – Видишь, дитя неразумное пытается своим раздолбанным то-

нометром давление карандаша измерить. Доставай наш аппарат... Я сам! Набирай пока лошадиные дозы глюкозы и аскорбинки. Закатаем... Ну вот, давление восемьдесят на сорок. До коллапса рукой подать. Доставайте, Татьяна Георгиевна, кортикостероиды из шкафа.

– У тебя в чемодане есть, не жмотничай!

– Ё-о-о... – снова подало голос создание.

– Женщина! Женщина! Как вас зовут, милая моя?! – заорал Аркадий Петрович и пошлёпал бабёнку по щекам.

– О-о-о-...

– Оля?

– К... на хуй О-о-о-...

– Неужели Коля?! – сделал большие глаза анестезиолог.

Татьяна Георгиевна мимо воли хихикнула.

– Перчатку!.. Аркадий Петрович, подвинься, дай я её посмотрю. – Мальцева надела поданную акушеркой перчатку и присела на кушетку. – Саша, раздвиньте ей ноги и держите, чтобы она меня тут не уе... не ударила, блин.

Тем временем анестезистка уже вводила в вену «живительный» коктейль, акушерка приёмного пыталась создать «кожную складку» на истощённом плечике, чтобы ввести преднизолон. Роженица тем временем оглашала пространство приёмного покоя жутким матом-перематом.

– Аркаша, даже у меня уши вянут, – сказала Татьяна Георгиевна и извлекла правую руку из исследуемых недр.

– «Даже у тебя» – не показатель, дорогая моя младшая

подруга. А вот то, что они вянут даже у меня – это да! Прямо хочется схватиться за блокнот и немедленно записать весь этот неповторимый городской фольклор! Чтобы потом поражать воображение сантехников и вызывать восхищение таксистов.

– Не слишком она рожает, кстати. Шейка едва-едва пропускает палец. Мой. Головка низко, схватки не такие уж и интенсивные. В общем, не знаю, почему ей так больно.

– К тому же она под кайфом. То есть в данном случае прямо скажем – под анестезией. Странно... Тётка с парадоксальными реакциями? – задумчиво протянул Святогорский.

– На разрыв матки не тянет, тьфу-тьфу-тьфу! А вот на первичную слабость родовой деятельности...

– Типун вам на язык в обоих случаях, Татьяна Георгиевна!

– Да какой там типун... Хотя в первом случае – да! А вот насчёт слабости – боюсь, я не ошибаюсь. Не будь я заведующей отделением!.. Акушерка! Я так и буду тут в грязной перчатке сидеть или, может быть, вы соизволите подать мне стекло?!

Несчастливая юная дева метнулась, загремела биксами¹² и подала под пальцы Мальцевой предметное стекло для вагинального мазка.

– Благодарю. Оформляйте. Переводите в родильный зал. В изолятор.

– Меня Оксана зовут! – вдруг с трудом, но уже вполне осо-

¹² Бикс – металлическая коробка для стерилизации инструментов и белья.

знанно, прохрипела бабёнка. Возвращающий к жизни надпочечники преднизолон вкупе с живительными для организма сахарно-витаминными коктейлями исправно делал своё дело. – Чё ты, блядь, вены колоть не умеешь?! – тут же вдогонку выверилась она на анестезистку.

– Вы бы помолчали, гражданочка! – обиженно огрызнулась та.

– Я чё в «обезьяннике», какая я тебе «гражданочка»?

– Фамилия у вас есть, Оксана?

– Есть, что я вам, собака, что у меня фамилии нет? Егорова моя фамилия. Как я тут ваще оказалась-то? Вы кто, люди?

– Вы, Оксана Егорова, в родильном доме! – строго сказал Аркадий Петрович. – И вы, Оксана Егорова, рожаете!

– Чё заладил «Оксана Егорова, Оксана Егорова»?! Для тебя Ксюха.

– Очень приятно. Аркадий Петрович.

– Уй, бля... Опять начинается!!!

– Так, Александр Вячеславович, зовите сюда нашу бригаду, пусть переводят её в родзал. В изолятор, разумеется.

– Я понял с первого раза, Татьяна Георгиевна.

– А если поняли, чего ещё тут прохлаждаетесь?!

Интерн подошёл к внутреннему телефону и набрал родзал.

– Вера Антоновна, пришлите сюда санитарку и каталку.

И вторую акушерку.

– Учись! – кивнул на интерна Аркадий Петрович, обра-

тившись к акушерке приёма. – Это, вообще-то, твоя работа. Просто Татьяне Георгиевне приятнее орать на Александра Вячеславовича, чем на тебя.

– Ни на кого я не ору. А вы, Оксана, что, совсем не помните, как тут оказались?

– Помню. Не про как здесь, но кое-что помню. Мы сидели у Лидки, потом я с Тохой поругалась и куда-то пошла... Дальше помню, что меня эта жопорукая, – она скривилась в сторону анестезистки, – в вену, бляха, колет.

– Ой, да в ваши вены попасть...

– Без тебя отлично попадаю, курва!

– Да как вы смеете!

– Девочки, не ссорьтесь! – миролюбиво резюмировал Святогорский. – Татьяна Георгиевна, полагаю, что я вам сегодня буду необходим, да?

Пригромыхала родзальная санитарка с каталкой. Интерн легко перекинул Оксану Егорову с кушетки на «транспортное средство».

– Ой, ну чисто, блядь, королевишна. Мужик на руках носит с койки на мотор, гы! – ослабилась кариозными зубами бабёнка. И даже состроила Александру Вячеславовичу мутные глазки. – Тоха бы тебя урыл, парень. Понял?! Он у меня ревнивый – пиздец!

– Помойте её! – крикнула Мальцева.

– Чё меня мыть, я чистая! Вы тока так сделайте, чтобы мне не больно было! Ой бля, а Тоха-то и не знает, что я рожаю!

Вот ему чиста сюрприз будет!

– Да уж... Сюрприз так сюрприз. Тоха у нас кто? Счастливый отец?

– Ну да, бля, отец – на дуде игрец! Доктор, вы мне больше всех тут понравились. Вы, видно, хорошая баба. Вы уж меня не бросайте, ладно? Я вам благодарна буду.

– Танька, – шепнул Святогорский, – она, по ходу, тут только с тобой на «вы». Ты попала!

– Аркадий Петрович, я вас прошу! Хоть вы без «походов»!.. Не брошу, Егорова. Куда я от вас денусь. ВИЧ у вас позитивный или как?

– Обижаете, доктор! Я только одноразовыми! Если только Тоха, говнюк, чем наградил. Да не, он ничего хуже трипака не принесёт, проверено!

– Александр Вячеславович, наберите у Оксаны кровь на РВ, ВИЧ и всё, что положено. «Тройку»¹³, коагулограмму¹⁴. И сделайте, пожалуйста, кардиотокограмму. Ещё неплохо бы вызвать Анатолия Витальевича с портативным УЗИ. Он сегодня в патологии дежурит, так что на месте. Три фона ей. И считайте схватки. Воды у неё не изливались. Всё пока. И – да! – Аркадий Петрович, вы мне сегодня будете необходимы. Вы, Егорова, не материтесь в родзале. Будете материть-

¹³ «Тройка» – количество гемоглобина, эритроцитов и лейкоцитов. Быстровыполнимый и весьма показательный анализ крови.

¹⁴ Коагулограмма, или гемостазиограмма – один из видов анализа крови. Его проводят с целью изучения её свёртывающей способности.

– Вот подлюка! Вам он, значит, проставился, а моему отделению – шиш! Его эта трещотка Катя у меня, между прочим, пока ещё лежит.

– Не заводись. Вам завтра выставит. Он, может, вообще на тебя зуб имеет. И вовсе не Марго мне, кстати, рассказала про интерна. Зря ты на подругу гнала. Меня Сэмэн в кабинет вызвал и давай плакаться и твои истории пересказывать. И, разумеется, требовать от меня подтверждения того, что ты всё это выдумала.

– Подтвердил?

– Как с добрым утром. Сказал, что это у тебя уже старческие климактерические фантазии от полового бессилия. И, возможно, уже даже шизофрения!

Татьяна Георгиевна ткнула Аркадия Петровича ладошкой в грудь и расхохоталась.

– Вот старые козлы. А ещё говорят, что бабы сплетницы!

– Да ну что ты! Бабы и рядом не стояли!

– Всё равно Сёма – кусок говна. Он же не мне не выставил – он отделению не выставил. Узнают, что вам проставился, а нам нет – не простят.

– Может, и передал Маргоше. Она сегодня что-то пораньше слиняла.

– Ладно, фиг с ним... Только я, Аркаша, шампанское как-то не очень!

– А и не надо! У меня и деликатный женский напиток имеется!

Святогорский достал из холодильника запотевшую бутылку «Абсолюта».

– Слегка початая, не побрезгуешь? – он налил Татьяне Георгиевне в кофейную чашечку. Чуть не до краёв.

– Аркадий Петрович, если я сейчас это залпом грохну, то тут у тебя так и останусь на койке лежать.

– А и лежи себе спокойненько, отдыхай, пока не позволили. Я безопасный. Трахаться, как интерн, уже не могу, а любви и ласки, как Сэмэну, мне уже тоже давно не надо.

– Да ладно тебе! И, кстати, не обижай Панина. Он, разумеется, мерзавец, но в постели ещё очень даже ничего... для дедушки, – Татьяна Георгиевна хихикнула.

– Ой, где мой диктофон, а? Да Сэмэн мне за трансляцию вот этого твоего «в постели ещё очень даже ничего» ставку поднимет до максимально разрешённой, да ещё и сверху премиальных накинёт!

– Хорош ржать, Аркадий Петрович! Без закуски пить не буду. Шоколадные конфеты не предлагать!

– Ну кто ж не знает, королева, что вы шоколад не употребляете! У меня тут есть слегка подсушенный мандарин. С Нового года заваялся. Практически уже сухофрукт. Пойдёт?

– Давай!

– Ну а я, с вашего позволения, шампусика. Я ж официально на работе. Это вы тут благотворительностью сверхурочно занимаетесь, Татьяна Георгиевна. Даже наркотически опьянённые девки сразу проникаются к вам любовью и доверием.

Так что вы пейте водочку на здоровье, а я эту газированную муру употреблю, что нам Семён Ильич от щедрот откинул.

– Классное шампанское, между прочим.

– Вот заодно и приобщусь! А откуда ты знаешь, что оно классное, если ты его вообще никогда не пьёшь?

– Пить не пью, а цену знаю.

– Да? Ну никто и не сомневался, что Панин – мужик щедрый. Кстати, почему ты не пьёшь шампанское? Я как-то внимания не обращал. Впрочем, кто и когда из нас шампанское пил на свои?.. Ну, вздрогнули, за здоровье новорождённой Варвары Паниной.

Друзья чокнулись и выпили.

– Вот уж не думала, что буду когда-нибудь поздним вечером пить с анестезиологом в ординаторской за здоровье Варвары Паниной.

– Всегда что-то впервые. Так чего шампанское-то не пьёшь?

– А у меня на него, Аркадий Петрович, совершенно парадоксальная реакция. Один бокал – и в голове фейерверки. Ровно как эта Ксюха становлюсь в мгновение ока. Тоже могу не помнить, куда и как попала. С кем и по каким подъездам и что пила.

– А Сэмэн знает?

– А как же!

– Так вот, значит, почему он вашему отделению шампанским не проставился. Поди, ящик водяры завтра притаранит.

Ну что, между первой и второй калибры не пискнет?

– Святогорский, не гони коней! У меня, между прочим, ответственная роженица в изоляторе. Да и ты тут один на весь родильный дом. А ну как привезут что-то urgentное?

– Так я же шампусик! А ты следующую чашечку залпом не глуши. Растягивай. Мандарин-то крупный, хоть и засушенный.

Аркадий Петрович разлил, и друзья снова выпили. И снова – за здоровье новоявленной Варвары Паниной.

– Понимаешь, подаренное по конкретному случаю только за этот случай и надо употреблять! – извинился Святогорский.

– Водку тебе тоже Панин подогнал?

– Будешь смеяться – да. Сказал, чтобы я с тобой выпил сегодня. Немного! И выведал, на самом ли деле ты спала с интерном или всё придумала.

– Детский сад какой-то!

– Ну не зря же говорят: старый, что малый.

– А мне вчера, Аркадий Петрович, кто-то букет из двадцати одной белой розы подогнал. Прямо на дом. Вот они там сейчас и живут в одиночестве, в моей квартире. А я тут, роды у наркоманки принимаю. Романтика! Ну, давай за Варвару Панину!

– Момент! Я себе обновлю! Классная газировка, кстати, чисто «Буратино»! Сколько, говоришь, стоит?

– Я не говорила. Но стоит двести долларов бутылка.

– Бляха-муха! Лучше бы он деньгами подогнал. Хотя...
«Буратину» за двести долларов бутылка я ещё не пил!

– «Буратино» не склоняется.

– Яйца курицу не учат, Татьяна Георгиевна. Я знаю правила.

– Да-да, ты у нас самый умный! – хихикнула Мальцева, прикладываясь к чашечке.

– Мы сейчас не об этом! – изобразил Святогорский Буркова из фильма всех времён и народов. – Мы о том, что я – выше правил!.. Так о чём мы?

– О том, что Панин подогнал тебе бутылку водки, чтобы ты выведаль...

– Точно! Он же сказал мне, что тебя от шампанского рубит так, что в соседней койке надо ловить, и подогнал бутылку «Абсолюта». Я днём слегка причастился. Короче, выведываю у тебя, Татяна! Истину говори, спала с интерном?

– Ну, я бы не назвала всё с нами происходившее сном, но некоторое время мы спали, да. В обнимку, между прочим!

Татьяна Георгиевна страшно развеселилась. Развеселилась и даже расчувствовалась. Какой он всё-таки милый, этот Святогорский. И, между прочим, действительно самый умный. Ну, не считая доцента Матвеева. Но Святогорский добрый, это немаловажно! И нет практически ничего, ни одной темы, по какой бы он не был в курсе. И совершенно не важно, о чём идёт речь – о глухонемых, о культуре обрезания клитора в африканских племенах, о живописи импрессионистов

или о поэзии символистов – Аркаша знает всё. Энциклопедически образованный человечиче. Надёжный, с чувством юмора...

– Не вздумай, Мальцева, меня соблазнять! – подозрительно посмотрел на неё Аркадий Петрович. – Мыслей таких даже в подсознании не имей. Ты роскошная баба. И будь у меня бабки на неразумные поступки вроде ящика жутко дорогущей газировки – я каждый день подгонял бы тебе по букету роз прямо на дом. Причём лично. Но я, признаюсь тебе честно, Танька, давным-давно предпочитаю бабам футбол. Не потому что я футболист, а потому что я – импотент. Все импотенты любят футбол. Так они сублимируют. Так что не вздумай, потому как не получится. И у тебя разовьётся комплекс неполноценности, хотя ты тут совершенно ни при чём! Это всё я.

– Тьфу ты, нужен ты мне сто лет! – расхохоталась Мальцева. – Можно я покурю в окошко?

– Да бога ради! Чтобы я старому другу не разрешил покурить в окошко? А о чём ты сейчас думала, а?

Татьяна Георгиевна открыла фрамугу, и в ординаторскую анестезиологов ворвался свежий морозный воздух. Это было очень кстати. Всё-таки две полные чашечки водки в желудок, где после утреннего плющенного овса с кусочками сухофруктов ничего и не было, это... Кстати, сколько в тех кофейных чашечках? Пятьдесят миллилитров? А если до краёв?

– Я, Аркаша, думала о том, что ты очень хороший. И Панин, если разобраться, тоже очень хороший...

– И ты, Татьяна Георгиевна, очень хорошая...

– Да уж, все мы хороши! – Мальцева глубоко затаилась.

– Да, мы все хорошие, но как-то так получается, что все мы – хороши! Те ещё...

Зазвонил внутренний телефон.

– Общество хорошистов слушает! – прогудел в трубку Святогорский. – Татьяна Георгиевна, вас!

– Татьяна Георгиевна! – заголосила в ухо Вера Антонова. – Измучила нас всех тут эта Егорова. Матом ругается так, что дед мой покойный, царствие ему небесное, в гробу от зависти ворочается, а он, прости его господи, вертухаем в зоне был. Орёт как оглашенная. Динамики никакой. Схватки то потухнут, то погаснут. Может, окситоцинчику ей подключить?

– Да погоди ты! Чуть больше часа прошло, а она уже со своим окситоцинчиком. Вы её отмыли?

– Мыла ей дали, воду включили. Что её, из шланга обдавать? Ой, попомните моё слово, Татьяна Георгиевна, изматает она всех слабостью родовой деятельности, а закончится всё операционной. Потому что и сама она изматается.

– Типун тебе на язык, Вера! Что ты вечно волну гонишь?!

– Да чувствую я...

– А ты не чувствуй. Ты исполняй. Как три фона проколем, так и думать будем. Ясно?

– Ясно! – вздохнула Вера Антоновна. Эта удивительная дама умела так вздыхать, что всем и всё сразу становилось предельно ясно. Вот сейчас Татьяне Георгиевне стало понятно, что эта пьеска в один вздох, означает не иначе как: «И не говорите потом, что я не предупреждала!»

– Сердцебиение плода нормальное?

– Пока да.

– Снимайте КТГ каждые полчаса. Валерий Иванович пришёл?

– Нет пока.

– Так разыщите!

– Александр Вячеславович его трижды по телефону звал, а сейчас вот лично на четвёртый этаж пошёл.

– Вот и прекрасно! Если что – если *действительно* что – немедленно звоните. Я пока тут.

Два часа Татьяна Георгиевна и Святогорский языками чесали. О чём? Да разве друзьям с немалым жизненным опытом за плечами не найдётся о чём поговорить какие-то смешные два часа?

Нет, чтобы покемарить, пока не началось...

Через два часа Вера перезвонила. Схватки у роженицы в изоляторе монотонные. Не усиливаются. Егорова всех извела. Слава богу, в родзале, кроме неё, никого. Пока... Хотя она, конечно, вроде как в изоляторе, но верещит как... В общем, сегодняшняя глухонемая с её мычаниями – ангельская музыка... Сердцебиение плода не слишком страдает, но эпи-

зоды на КТГ есть уже такие, что... Гипоксия, в общем, начинается. УЗИ нормальное. Кроме гипотрофии плода, что, само собой разумеется при таком мамашинном габитусе и образе жизни неудивительно, ничего не выявило... Линьков? Нет, Валерий Иванович не появился. Да, на мобильный ему звонили. Сказал, что у сынишки температура. А потом и вовсе мобильный отключил. Домашний тоже не отвечает... Что? Писать докладную, что дежурного доктора не было на дежурстве? А чего сразу я?... Хорошо, хорошо, Татьяна Георгиевна. Напишу. Что я, не понимаю, что ли?!

– Эх, Аркадий Петрович. Всем насрать на мои одинокие розы. Почему бы мне не насрать на температуру сынишки Валерия Ивановича? Из уважения к его сединам?

– К сединам сынишки? – заржал Святогорский. – Ты знаешь, – тут же понизил он голос до заговорщического шёпота, – говорят, что Линьков своему отпрыску жопу вытирал собственноручно до восьмилетнего возраста.

– Я не понимаю, хоть убей, разве нужно сидеть при четырнадцатилетнем лосе всю ночь, даже если у него температура? У него что, сыпной тиф? Малярия? Нет, я должна уволить Наезжина, Линькова и Маковенко!

– Маковенко-то за что?

– За то, что дура!

– Ой, ну за это, Танька, не увольняют. Ты её ревнуешь к интерну, да?

– Аркаша, ты долбанулся? От «Буратино» одеревенел?

Кто мне такой интерн? К тому же на нашу Светлану Борисовну он не обращает никакого внимания, несмотря на все её мартышкины ужимки. Вежлив, почтителен – как и полагается интерну, и всё. Маковенко просто дура. И дура с претензиями. Это гораздо хуже дуры обыкновенной. Мне в отделении такие не нужны.

– И с кем ты останешься?

– Дежурантов бы тоже повыкосить неплохо... Ну есть же где-то отличные ребята, грамотные, исполнительные, в чистых халатах, ежедневно моющие волосы... А Линькова завтра же на хер. А пока мне надо думать головой, что делать с этой Егоровой. Окситоцин капать я запретила. У неё уже биохимическая утомлённость...

– Да, по жизни! – перебил Святогорский.

– ...утомлённость маточной мускулатуры. Динамики нет, шейка матки за три часа ни черта не раскрылась. Схватки короткие, но сильно болезненные...

– Я знаю, что делать!!! – вскочил с дивана Аркадий Петрович и, прихватив две бутылки шампанского, пошёл к двери. – Идём! Идём к тебе!!!

У лифта он всунул бутылки Татьяне Георгиевне:

– Подержи! Я мигом! – И унёсся в предбанник операционной пятого этажа. – Вызывай лифт, через секунду буду! Только тихо! Не надо девок будить, мне анестезистка не нужна, пусть спит!

– Аркаша, ты думаешь о том же, о чём и я, да? – прищури-

лась на него Мальцева, когда он действительно очень быстро вернулся.

– Ну разумеется! Мы сейчас устроим нашей милой обдолбанной девке Оксане Егоровой медикаментозный сон! В некоторой моей авторской модификации.

В отделении было тихо. А вот в родильном зале... Из изолятора раздавались вопли, стоны и маты.

– Тань, – шепнула Вера Антоновна. – Я боюсь, как бы у неё абстиненции не началось.

– Никакой ломки мы не допустим! – важно надув щёки, доверительно сообщил первой акушерке Святогорский.

– А где интерн?

– Он в изоляторе, Татьяна Георгиевна. Эта дрянь при нём ещё хоть как-то более-менее себя ведёт. И отмылась, мне кажется, только ради него. Хотя этим наркоманкам конечным... Все они нелюди, потерявшие человеческий облик.

– Вера Антоновна, ты у нас что, общественный судья? Просто делай своё дело.

– Да всю душу вымотала! Прокуренная, хрипит, сипит... А вы бы видели, Татьяна Георгиевна, как она этого несчастного Александра Вячеславовича трясёт.

– Я тоже у нас прокуренная. А интерну ничего не сделается. Крепкий.

– Что вы сравниваете!.. Крепкий-то крепкий, да она его уже даже расцарапала!

– Вы хоть экспресс-тест на ВИЧ ей сделали? А его хлор-

гексидином промыли?

– А как же! Экспресс – отрицательный.

– И на этом спасибо.

– Татьяна Георгиевна, тут девочку со второго этажа в предродовую перевели только-только. Будете смотреть?

– Разумеется. Только для начала с Егоровой разберёмся.

– Да! Да!!! – ожил присевший, было, на стульчик Святогорский. Он так и не выпускал из рук шампанское, отобранное у Мальцевой в лифте. – Давайте разберёмся с Егоровой. Быстро тащите её сюда.

Санитарка побежала в изолятор и оттуда, повиснув на Александре Вячеславовиче, выплыла тощая, как облезлая кошка, несчастная роженица Егорова. С синяками под глазами и исколотыми ручками-веточками.

– Ну чисто жертва гестапо... В паху свища нет? – строго воззрился на неё Аркадий Петрович.

– Обижаете! Что я, конченная?

– Нет? Ну ладно... Отпустите молодого доктора, Егорова, и присаживайтесь на стульчик. Знаете ли вы, Ксюха, что такое гамма-оксимаслая кислота, она же ГОМК, она же – оксибутират натрия?

– А то мне тёзку не знать! – криво усмехнулась наркоманка.

– Почему тёзку? – удивилась Вера Антоновна.

– Ты, Верусик, не в курсе, но у нашей чудесной гамма-оксимаслая кислоты много прекрасных имён. Напри-

мер, «Буратино»! – Святогорский воздел руки с бутылками шампанского по двести долларов бутылка. – Санитарка! Санитарка!!! Тащи бокалы!

– Что? Где? Ой! – вынеслась санитарка из недр родзальных помещений. – Нет бокалов, Аркадий Петрович.

– Чашки тащи, голова соломенная. Нет чашек – стаканы с буфета!

– Ага, чтобы меня баба Гала прямо там и порешила?

– Вы что тут, даже чай-кофе не пьёте?

– Маргарита Андреевна запретила чай-кофея в родзале гонять.

– У меня есть одноразовые пластиковые стаканчики, – робко проблеяла молоденькая девочка из предродовой. – Извините.

– Да за что же извинять тебя, спасительница?! – победоносно затрубил анестезиолог. – Давай! И тебе нальём! Как звать?

– Елена Александровна! – пискнула девица.

– Ты что, учительницей работаешь?

– А как вы угадали? Вы в мою историю посмотрели, да?

– О нет, дорогая моя Елена Александровна! Я в вашу историю не смотрел. И дай вам бог, чтобы я так и не посмотрел в вашу историю. Впрочем, если вы захотите эпидуралку...

– Нет-нет, я сама! Я всё хочу сама и только сама! Чтобы всё естественно!

– Ага, понятно! Ну, поговорим тогда часиков эдак через

пять, Елена Александровна. А то, что вы учительница, я догадался просто потому, что по имени-отчеству в нашей стране всё ещё представляются недобитые долбоё... недобитая интеллигенция вроде учителей и врачей. Все остальные уже давно просто Лены, Кати, Тани и Валерики. Менеджеры разнообразных звеньев играют в общение по горизонтали. А мы с вами, врачи и учителя, всё ещё плюём на всех с высокой горы своего собственного нищевродского превосходства! Потому что для детишек и пациентов мы кто? Мы, несмотря ни на что, для них – главные. Вот то-то и оно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.